

Мария Фомальгаут
Солёные часы

Мария Владимировна Фомальгаут

Соленые часы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17798938

ISBN 9785447443658

Аннотация

Подробный рецепт, как засолить часы, чтобы они сохранили свой неповторимый вкус и аромат. Кроме того, вам предстоит увлекательное путешествие на человека, охота на суши и на кое-что поинтереснее, а также оригинальное решение задачи о пяти домах.

Содержание

Мой дядюшка Египет	5
Тек думает	12
Пролог	12
1	14
2	19
3	22
4	23
5	25
6	26
7	29
8	33
9	35
10	37
11	39
12	41
На экспорт	44
Эксперт	51
Работа такая...	59
Некруглая дата	68
Сто седьмая вызывает станцию	83
На птичьих правах	94
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Соленые часы

Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мой дядюшка Египет

Мой дядюшка Египет был весьма эксцентричным дядюшкой. Нет, конечно, все дядюшки в той или иной степени эксцентричные, например, мой второй дядюшка по материнской линии упорно верил, что луна сделана не из сыра, а из самого что ни на есть мрамора. Но вся эксцентричность обычных дядюшек ограничивается милыми чудачествами, не более того. Другое дело – мой дядюшка Египет. Почтенные граждане при встрече с ним на полном серьезе верили, что перед ними самый что ни на есть сумасшедший. Моему дядюшке Египту ничего не стоило войти среди ночи в мою спальню (мы жили в большом двухэтажном доме, полном многочисленной родни) и заявить:

– Собирайся. Мы едем к Джону МакКетти.

Мне не оставалось ничего кроме как встать с постели и начать паковать чемоданы. При этом я даже не осмеливался толком спросить, кто такой этот Джон МакКетти, и почему мы должны к нему ехать за тридевять земель, преодолевая множество препятствий. Джон МакКетти, несмотря на свою безвестность, оказывался очень интересным человеком, который писал стихи и песни, и прекрасно играл на гитаре. Мы с дядюшкой возвращались домой с чемоданами, полными песен и стихов, а дядюшка еще успевал прихватить с собой воспоминание о первой любви Джона МакКетти – воспоминание

вание, пропитанное запахом поздней осени, морозящих дождей и первого снега. Мой дядюшка вообще обожал снег – наверное, потому, что у него у самого не было ни снежинки.

Конечно, это не значит, что мой дядюшка совсем никогда не посещал известных людей – посещал, и еще как. Мы с ним видали Чингисхана, Тамерлана и Ивана Грозного, Шекспира и Данте, и дядюшка со снисходительным презрением смотрел, как я набиваю чемодан сувенирами – стихами и сонетами, историческими фактами и легендами. А потом – уже когда наш самопаровозеход отчаливал от пристани, расправлял крылья и разгонялся на рельсах – почтенный Египет с авторитетным видом заявлял:

– Ну что, друг мой, Лэнди, не хочу тебя огорчать, но ты как всегда смотрел поверхностно, и не увидел самого главного. Обрати внимание, что я нашел...

И он показывал мне детское воспоминание Данте или ночные страхи юного Чингисхана, который однажды заночевал в степи совсем один. Уникальные экспонаты занимали достойное место в дядюшкиной коллекции диковин со всего мира.

Лэнди...

Мое полное имя было Лэндон из зе Кэпитэль оф Юнайтед Кингдем, но мне приходилось смириться с тем, что для своих близких я до конца жизни так и останусь Лэнди.

Но если бы чудачества моего дядюшки ограничивались только этим! Всякий раз, отправляясь в путь, я не знал,

чем закончится наше путешествие, и что еще устроит мой непредсказуемый дядюшка Египет. Чего стоит только случай в путешествии, когда мы посетили Дмитрия Ильясова. Дмитрий оказался человеком очень удивительным – он был фотографом, и делал из фотографий невероятные по своей красоте коллажи. Мы с дядюшкой постояли над полуистлевшими останками человека, собрали его воспоминания и образы. А потом мой дядюшка Египет задумчиво почесал пирамиды, отряхнул песок и сказал:

Этот человек был у меня.

Мне показалось, что я ослышался. Или не понял.

– Простите, дядюшка?

– Этот человек был у меня. Когда-то. Он приходил ко мне.

– Приходил? Разве люди ходят?

– Ходили. Раньше.

– Но ведь этого не может быть. Посмотрите на этого человека, на его высохшие кости, разве он может встать и куда-то пойти?

Мой дядюшка Египет повернул ко мне мудрое лицо, лицо Сфинкса:

– Теперь не может. А когда-то люди ходили. Вот как мы сейчас.

Я не стал спорить со своим родственником: в конце концов, если дядюшка сходит с ума, лучше не усугублять его безумие. Однако, его слова не давали мне покоя, и ближе к вечеру, когда наш самопаровоздеход отчалил от пристани,

я спросил:

– Дорогой дядюшка, с чего вы взяли, что люди когда-то ходили?

– Я помню это, дорогой Лэнди.

– Помните?

Да. Помню очень смутно, конечно, не так ясно, как помню твой день рождения или наш рождественский ужин. Мое сознание только-только начало пробуждаться.

– Ваше сознание?

– Ну конечно, дорогой мой Лэнди, уж не думаешь же ты, что мы жили всегда и думали всегда?

– Право, не знаю, дядюшка...

Здесь нам пришлось прервать разговор, потому что наш самопаровездеход сошел с рельсов, упал в воздушную яму и налетел на мель.

Мы вернулись к этому разговору только в канун Рождества, когда весь дом наполнился приятными предрождественскими хлопотами, а ближе к вечеру все собрались у камина. Однако, мой эксцентричный дядюшка сослался на плохое самочувствие и отправился в свой кабинет, сделав мне знак, чтобы я следовал за ним. Я уже понял, что плохое самочувствие дядюшки Египта – только предлог, чтобы сообщить мне что-то по-настоящему важное.

Дядюшка поправил пирамиды, отряхнул песок и повернул ко мне свое мудрое лицо Сфинкса.

– Лэнди, друг мой, я думаю, ты считаешь меня сумасшед-

шим.

– Что вы, дядюшка, ни в коей мере.

– Однако, согласись, что мои поступки порой кажутся тебе... эксцентричными.

– Гхм... дорогой дядюшка, мне кажется, каждый из нас имеет право на мелкие... чудачества.

– Но я думаю, тебе не дает покоя вопрос, что движет мной, что тянет меня в дальние края к дальним людям?

– М-м-м... да, я подумывал, что это не праздное любопытство.

– Ты прав, друг мой. Пришло время рассказать тебе одно воспоминание, в котором я боялся признаться даже самому себе. Мое самое первое воспоминание.... Вот скажи мне, Лэнди, какое твое первое воспоминание?

– М-м-м... один из моих дней рождения... дядюшка Париж говорит тост, дядюшка Рим режет пиццу, тетя Вена целует меня, говорит, как я вырос...

– И сколько же тебе тогда было лет?

– Около трех тысяч, дядюшка.

– Эх, молодежь... Мое первое воспоминание относится ко времени, когда люди еще умели ходить.

– Дорогой дядюшка, при всем уважении к вам я никогда не поверю, что эти истлевшие скелеты способны передвигаться.

– Друг мой, в те времена они еще не были истлевыми, и выглядели совершенно иначе. Они приходили ко мне, вот

как мы сейчас приходим к людям.

Мой дядюшка Египет сделал многозначительную паузу и продолжил:

– Тогда-то меня и посетил некий человек, который забрал у меня... м-м-м... одну ценную вещь. К сожалению, я сейчас не могу сказать тебе, что именно это было.

– Но дядюшка, разве вы не могли догнать и наказать него-дзя?

– Мой дорогой Лэнди, ты забываешь, что в те времена мы еще не могли ходить.

– Разве были такие времена?

– Представь себе, Лэнди, представь себе.

– А как выглядел этот человек?

– Друг мой Лэнди, теперь это не имеет никакого значения – ведь он мог передарить украденную вещь миллион раз и даже больше.

– Мы должны найти её, дядюшка.

– Мы? – насторожился Египет, – ты сказал – мы?

– Да, дядюшка, я не я буду, если не помогу вам в поисках.

– Что же... я очень благодарен тебе, мой дорогой Лэнди.

Думаю, самое время отправляться в путь.

Мне показалось, что я ослышался.

– Прямо сейчас? В канун Рождества?

– Ну конечно, когда же еще случаются всякие чудеса, и находят потерянные вещи? Собирайся, друг мой Лэнди, нас ждет дальний путь...

2015 z.

Тек думает

Пролог

«Это смерть» – думает Тек.

Это он может. Думать. Это у Тека хорошо получается. А что еще осталось, когда смерть приходит.

Смерть. Жуткая, чудовищная, не похожая ни на что, привычное Теку. Смерть – единая во многих лицах. Обступает, подкрадывается, принюхивается. Немыслимые чудовища, будто вышедшие из ночного кошмара. Так и хочется ущипнуть себя, да побольнее, да посильнее, проснуться – за полчаса до будильника, вытянуться на постели, подумать о чем-то таком...

Подумать...

Это Тек может. Думать.

А вот отбиться от смерти не может, где ему, хоть бы пушка была, а откуда у Тека пушка. Пушка только випам положена, а Теку до випов еще как до луны пешком.

Обступают твари. Принюхиваются. И пахнет от них как-то не по-человечески, ни от кого так не пахнет. Огромные, холодные, обступили.

А сам виноват, было же какое-то мгновеньишко, когда еще можно было бежать – вон туда, в проход, на заваленную

сором лестницу, уж как-нибудь спустился бы Тек по лестнице, сам не знает, как. И дальше – до города, до города, к людям, к людям, прочь от погибели.

А теперь – все.

Тек не верит себе. Ослышался, что ли...

И все-таки...

Нет, так и есть, говорят, говорят твари, четко, по-человечески, один повернулся к другому, бормочет:

– Не трожь, это этот... как его...

– Тот самый, что ли?

– Тот самый.

Сгибаются – в низком поклоне...

1

Звонят – резко, нетерпеливо, кого там черт принес...

Тек прислушивается. Звенит в коридоре мелодия ветра. Кто-то просится в дом. Да кто там просится в такое-то время, ночь на улице, пошли все вон...

Звенит мелодия ветра, колокольчики в дверях.

Что-то прорывается в душе Тека. Так-то Тек незлобивый, злобу свою оставляет на экране, когда расстреливает зомби из бластера. Но вот если доведут...

Бывает.

Дать бы еще пушку Теку, только пушка випам положена, а Теку до випов как до луны пешком.

Жмет на кнопку, распахивает дверь:

– Достали уже, я щ-щас полицию...

Слова застряли в горле, не выдавить, не выкашлять.

Полиция на пороге.

– Именем Конфедерации.

– Именем.

– Извините, что так поздно, – матерый патрульный вваливается в коридор, за ним пробираются помощники, помельче, помоложе.

– Да н-ничего.

– Да как ничего, ясно же, разбудили... ввалились среди ночи... Ну извините, мил человек, обыск.

Обыск.

Рушится мир.

– Ключи приготовьте... пароли, коды, логины...

Так и хочет Тек огрызнуться, а то сами мои пароли не знаете. Не огрызается.

– Да не знаем сами, хорошо вы про нас думаете, что мы все вдоль и поперек знать должны...

Страшно Теку. Кто их знает, то ли они мысли читают, то ли догадываются о чем-то. Если мысли читают, это совсем плохо, сразу отыщут в голове Тека, что лежит там, на третьей полке холодильника.

Не думать. Не думать, не-ду-мать, недумать. Про третью полку холодильника. Не думать.

– А спите вы на чем? – верзила оглядывает круглую комнату.

– А вот, – Тик кивает в сторону силового поля, на котором спит по ночам.

– Крутяк... Нда-а, на уровне у вас домик... Вы сами-то в комнатах этих не заблудились еще?

– Поначалу плутал... – Тек выжимает из себя улыбку, – дизайнеру спасибо скажите, это он намудрил...

– Да, дизайнеры те еще пошли... у меня вот...

Не думать. Не думать. Третья полка холодильника. Не думать. Третья... Тику вспоминается что-то похожее, не думай о рыжей обезьяне. Вот-вот... Лучше думать о рыжей обезьяне, знать бы еще, что это такое...

– Это не комната.

– Ась? – верзила останавливается перед длинной анфиладой.

– Это не комната.

– Да нам без разницы, все велели обыскать...

Теку становится смешно.

– Три-дэ-эффект.

– Тьфу ты, черт... и не отличишь... чуть дурака из меня не сделали...

Да из тебя и делать не надо, ты и так, думает Тек, тут же осекается, не дай бог услышит... не думать. Не думать... А не получается у Тека не думать, всю жизнь думал, а тут на тебе...

Не думать, не-ду-мать, недумать...

– А от этого где пароль? – верзила кивает на дверь.

Тек чувствует, что краснеет.

– Слушайте, забыл. Сам попасть не могу...

– Вот так, мил человек, дожили, в своем доме в комнату попасть не можем... Ну так давайте вскроем вам ее, глянем...

Не думать, не-ду-мать, недумать...

– Ничего у вас тут хоромы... на уровне. Это где ж мы работаем, что такие хоромы отгрохали?

Тек холодеет. Провокация...

– На кормушке.

– Это где это?

– Продукты питания.

– А-а, а я уж грешным делом подумал, вы птичек кормите... Вот, думаю, бывает же...

Да где тебе думать, чуть не кричит Тек, вот я думаю так думаю, а т что...

Не думать. Не-ду-мать, недують...

...о рыжей обезьяне.

Интересно, почему так говорят, про рыжую обезьяну.

– Что, выпить-то у вас чего можно?

– Можно... только осторожно, – улыбается Тек.

– Да уж не бойтесь... все не выпьем...

Громила открывает холодильник, вынимает что-то с третьей полки...

Падает сердце.

– Не то.

– Не то. Бутылка... рядом.

– Ох, черт, точно... Все уже, запарился на работе... а ничего у вас пивко, хорошее... сами делали?

– Ну... и пивко, и все на свете... весь город кормлю.

– Точно-точно, кормилец вы наш... Пойду я... айда, ребята, или вы здесь уже прикорнуть решили... – верзила поворачивается к теку, – а то видите, еду в магазине протестировали, такое нашли, мама не горюй... Добавочки запрещенные. Вот такие же, вроде вас, работнички сэкономить решили...

Тек кивает.

– Совесть нет.

– Да у кого она есть-то в наше время... смешной вы человек... закон-то тоже блюсти надо... а то не ровен час... ну все, закрывайтесь... спокойной ночи вам... уж простите, потревожили...

Тек закрывает дверь. Считает до ста. Еще до ста. И еще до ста. Гасит свет. Открывает холодильник, долго перечитывает этикетки добавок – E234, E643, E277, E666, E... E... E...

Выбирает заветный коробок.

E666, более экономичный и эффективный аналог E268, отличается глубоким вкусом, долгим послевкусием, легким улучшением настроения. Экспериментальная добавка, не рекомендуется для изготовления продуктов питания. Достоверное тестирование влияния на живые организмы до сих пор не проведено. Внешний вид...

Тек переводит дух.

Не рекомендуется для изготовления...

Люди в форме его не нашли.

Наваливается да грудь запоздалый ужас.

Тек думает.

Это у Тека хорошо получается – думать.

Думает, как просочиться в центр города, прорваться, пробиться, про... откуда столько машин, кажется, со всего мегаполиса машины сбились сюда, к центру, гудят, сигналият, выплевывают недовольные рожи водил, куд-да пр-решь, с-сука, ж-жить надоело...

Тек думает.

Перебирает в навигаторе развилки, порталы, измерения, прикидывает, как просочиться, как проехать. Не прикидывается. Не придумывается. Все забито, заколочено, на одной сто семнадцатой машины в восемь рядов стоят.

Тек думает. А босс ждать не будет, не любит босс кого-то ждать, это его все ждут. Вот так соберет всех от мала до велика на совещание, посмотрит – где Тек, нет Тека... а на нет и суда нет...

Тек думает.

Ищет пути. Ждет того судного дня, когда встанут все тра-сы, все улицы, схлопнутся в один бесконечный коллапс, завяжутся узлом на самих себе.

Машины резко подают назад, назад, Тек дает задний ход, куда прете, куда прете, охренели, что ли... а вот уже и не прут, уже снова встали машины, бегут из них люди –

во весь дух. Кричат что-то, черт разбери, что кричат. Было такое в каком-то старом фильме, Тек уже и не помнит, в каком, вот так же, тормозит поток машин, выбегают люди, а там впереди что-то, что-то...

Что-то...

Тек видит это что-то...

Еще не понимает – что видит. Еще думает, померещилось, еще ищет какие-то голограммы и эффекты три-дэ.

Нет. Никакой ошибки. Вот оно, приближается. Оно... они... их трое, кого их – Тек не знает.

Приближаются – легко, стремительно – люди так не ходят – огромные, страшные, ноздревато-белые, фыркают, трясут косматой шерстью. Спотыкаются о машины, а чья машина им мешает, они и с дороги ее столкнут, не постесняются...

Они...

Кто они... жуткие твари, будто выпавшие из ночных кошмаров.

Тек не знает.

И уже воеет, надрывается сирена, сигналиит город неоновыми огнями.

Приближаются...

Смотрит Тек, – зачарованный, замороженный, как кролик на удава...

СМС ЛЕТИТ!

Тек читает. Это он может. На это у него всегда и время

и силы найдутся, чтобы прочитать сообщение...

НЕМЕДЛЕННО ПОКИНЬТЕ ЦЕНТР ГОРОДА, НЕ ВЫХОДИТЕ ИЗ ДОМОВ, СДЕЛАЙТЕ НЕОБХОДИМЫЙ ЗАПАС...

3

...явились сразу в нескольких районах города, в настоящее время уже покинули центр мегаполиса, продолжают движение в направлении северо-западной окраины. Причиной появления в центре города...

Будильник...

Да нет, на будильник не похоже, будильник в три часа ночи не бывает. Звонят. На этот раз – на телефон. Как издеваются над Теком, хоть бы одну ночь дали поспать спокойно...

– Три семерки девять девяток сто двадцать девять, – объявляет Тек.

Вертится в голове реклама – закажи себе красивый номер.

И еще вертится – извините, ошибся номером. Ну давай же, ты, на том конце трубки, скажи это, давай же, скажи...

– Тек, это девяносто седьмой...

Девяносто седьмой... Тек даже по имени его не знает, как-то не принято на службе – по именам...

– Очень приятно.

– Что, струхнул сегодня, когда хрень эта началась, твари полезли?

– Есть маленько.

Да какого ж черта тебе надобно...

– Ты где был, на трассе? Там, говорят, самая жуть была...

Снова прорывает что-то в душе Тека.

– — Ты чего звонишь-то среди ночи?

Чего звоню? Да так, знаешь, скучно стало, дай, думаю, звякну, как там Тек... я вот чего... Ты у нас зверя в еду до-

бавляешь...

Екает сердце. Ошибка... Ослышался...

– Какого зверя? Из зверей уже пятьсот лет ничего не делаем, синтетика одна... вспомнил... зверя...

– Да нет... Зверя. Антихриста. Е-шесть-шесть-шесть...

Рушится мир.

– Бреешь.

– Что бреешь, видеокамеры для кого стоят? Так просто, что ли? Я уже и запись видел, клево ты работаешь, одной рукой еду мешаешь, другой в стрелялки режешься... артист... и три шестерочки в еду сыплешь...

Тек заставляет себя успокоиться. Легко сказать...

– Сколько возьмешь за свое молчание?

– Да мне-то что за молчание, это ты у этих... у полицаев спрашивай. Они уже половину отдела заловили, и до тебя добираются... Это я так, из лучших побуждений...

Екает сердце. Еще не верится. Может, еще не так все плохо, может, обойдется, сколько раз ешки эти путал, Е-то, Е-это, все как-то отбрехивался...

– Эка невидаль, «антихрист» ешка как ешка, есть можно, никто еще обратного не доказал...

– Хи, не доказал, ты это патрулям скажи, которых замаялись этих тварей вылавливать... по городу...

– Твари-то тут при чем?

– Новости не смотришь? Правильно делаешь, на хрена...

5

...по сообщениям официальных источников Конфедерации город был атакован мутантами, ошибочно выведенными в беби-инкубаторе наравне с нормальными особями. Причиной возникновения мутации стало добавление в питание зародышей запрещенного компонента Еббб. В настоящее время полиция убедительно просит граждан сообщать о местонахождении лиц, хранивших и использовавших компонент Еббб. Большинство виновных в данный момент уже арестовано, возбуждено уголовное дело по статье...

Тек не думает.

Нечего тут думать, тут бежать надо. И нет вопроса – куда. В никуда. И нет вопроса – откуда. Отовсюду.

Бежать. Так странно бежать и не взять с собой фонны, буки, пады, поды, все это останется здесь, здесь, чтобы не вычислили, не выискали, не выцапали. Так непривычно брать с собой только самого себя...

Тек бежит.

Из квартиры – в коридор, из коридора – в лифт, долго выбирает этаж, как бы подгадать, чтобы спуститься вниз, но не на самый низ, не в подвал...

Подгадал.

Спустился.

Тек бежит. Катится под Теком узкое кресло, вертит колесиками. Жмет Тек на клавиши, ускоряет бег, еще, еще, еще. Давненько с такой скоростью не носился, еще с детства, с тех времен, когда еще не знаешь, что прилично, что не очень, гонишь по трассе во весь дух. Давненько... А ведь и креслу разогнаться хочется, вот и мотор гудит по-другому, вырвался на волю...

Ветер бьет в лицо, прижимает к креслу сморщенное красное тельце, голова, две руки, сердце, жуткие механизмы в кресле качают по сосудам кровь. Тек жмет на клави-

ши – средним пальцем, два других беспомощно подрагивают в воздухе. Огромная голова покачивается на изголовье, в извилины черепа – по форме мозга – забились какая-то уличная пыль. Волочатся тонюсенькие длинные руки.

Это смерть, думает Тек.

Думает – когда видит у дороги людей в форме, вон они, развалились в полицейских креслах. Машут жезлами, сигналият – тормози.

Тек тормозит. Тормозит – тут же думает, зря, зря, мог бы рвануть во весь дух, мимо, мимо...

И получить лазерную вспышку – в затылок.

– Документики ваши, будьте добры.

Тек протягивает руку, подставляет висок, у Тека два чипа, на руке и на виске.

– Тэ-эк, тэк тэ-эк... – полицейский то ли бормочет, то ли зовет Тека по имени, – почему нарушаем?

Холодеет душа. Вот оно что, скорость превысил...

– На кормушку ехал.

– Синичка ты, что ли, на кормушку ехать? – смеется молоденький сержантик.

– На пищевую фабрику он ехал, балда, – обрывает его офицер, – чего там забыл? Пирожков захотелось?

– Сбой конвейера там... не разберемся до утра, весь город без пирожков останется.

– А-а, святое... проезжай... кормилец.

Тек проезжает. Все-таки не разгоняется, как раньше, ма-

ло ли что. Накатывает запоздалый страх. У Тека страх всегда с опозданием – на полчаса, на час, а то и на день, зато потом уж если вцепится в душу, то не уйдет, так и будет терзать по ночам.

Неправильный Тек.

Это город, – думает Тек.

Это он умеет. Это у Тека хорошо получается – думать.

А что еще тут делать. В городе. Который не город. Который город. Но не город. Но город.

Руины. Полуразрушенные стены, пустые глазницы окон. Остовы высоток. Груды руин. Кто-то жил здесь – когда-то бесконечно давно, так давно, что уже и сам город не помнит, как это было. Сиротливо висят над рекой остатки моста, сиротливо застыла на берегу башня, в которой когда-то был циферблат.

Тек знает, что такое циферблат, читал в какой-то древней легенде, как какой-то король повернул время назад, и королевство разделилось на два лагеря, одни хотели, чтобы время шло вперед, другие – назад. Даже война какая-то была между ними...

Не помнит Тек. Вот было там, в легенде, словечко, циферблат. Мудрая сказка про время, дескать, время, это не игрушка. Кто-то правда уверяет, что так оно все и было, что технологии древних позволяли управлять временем. Чушь полная, где им, у них и хей-тач только-только появлялся...

Тек чувствует голод. Сильный голод, жгучий голод. Долгоножка же Тек в этом мертвом городе – без еды, без всего.

Тек ищет. Лихорадочно ищет то, что утолит его голод.

Быть не может, чтобы в городе этого не было. Хотя все может быть. И упадет тогда Тек замертво, с остановившимся сердцем.

Тек ищет. Гонит кресло – туда, сюда, по домам, по тому, что было когда-то магазинами, по лестницам – кресло комично перебирает колесиками.

Темнеет в глазах.

Мелко дрожат руки. Это и есть голодная смерть, это и есть ломка, за которой – дальше уже ничего.

Тек заворачивает в большой холл, не верит своим глазам.

Нашел то, что утолит голод.

Бук – старенький, допотопный, но все-таки бук.

Тек открывает бук, жмет пуск. Только бы он не был обес-
точен.

ПРИВЕТСТВИЕ

ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ

ВОЙТИ В СИСТЕМУ ПОД НОВЫМ ИМЕНЕМ.

Тек входит. Жадно присасывается к Сети, жадно впитывает инфу, инфа разливается по сосудам живительным теплом.

Рука сама тянется проверить почту, Тек одергивает – нельзя, нельзя... Зайдет Тек под своим именем, тут-то его и вычислят.

НОВОСТИ...

...мутировавшие особи скрылись в неизвестном направлении, предположительно...

...убивают и пожирают людей, на улицах сотни трупов...

Черт с ними...

...розыск особо опасных преступников, со злым умыслом добавлявших в продукты питания...

Тек посмеивается. С умыслом... какой там умысел, если «антихрист» дешевле всех этих ешек, которые обычно добавляют для усиления вкуса. Вот и крутится Тек как может, шефу отчет высылает, что дорогую ешку закупил, а сам «антихриста» у челноков покупает. А разницу в цене себе в карман.

Вот оттуда и хоромы у Тека, в которых заблудиться можно...

АРХИВ...

Тек любит смотреть архив. Тек любит окунаться в прошлое, в легенды, когда спутники падали на дно морское, на месте Соляной Пустыни было море, а Великое Кольцо под землей еще не ушло в подпространство. Тек любит уходить в прошлое. Конечно, не так, как тот король, который играл временем, но все-таки...

Тек читает красивую легенду. Про то, как древний мореплаватель поплыл в Индию, а попал в неведомую землю на другой стороне планеты.

Легенда очень красивая, разливается по сознанию сладким сиропом. И даже картинка есть к легенде, вон люди на старинном корабле.

Люди...

Люди...

Люди ли?

Тек смотрит. Еще не верит себе, не понимает. А что тут понимать, никакой ошибки быть не может. Люди. Люди прошлого. Жуткие твари огромного роста, ноздреватые, белые, пятипалые, с густой шерстью на головах.

Люди – какими они были века и века назад.

До Тека – с его огромной головой и тонкими ручками.

Тек не видит, – чувствует, что рядом в комнате кто-то есть. Разворачивается – чтобы увидеть их.

Это смерть, думает Тек.

Это он может. Думать. Это у Тека хорошо получается. А что еще осталось, когда смерть приходит.

Смерть. Жуткая, чудовищная, не похожая ни на что, привычное Теку. Смерть – единая во многих лицах. Обступает, подкрадывается, принохивается. Немыслимые чудовища, будто вышедшие из ночного кошмара. Так и хочется ущипнуть себя, да побольнее, да посильнее, проснуться – за полчаса до будильника, вытянуться на постели, подумать о чем-то таком...

Подумать...

Это Тек может. Думать.

А вот отбиться от смерти не может, где ему, хоть бы пушка была, а откуда у Тека пушка. Пушка только випам положена, а Теку до випов еще как до луны пешком.

Обступают твари. Принохиваются. И пахнет от них как-то не по-человечески, ни от кого так не пахнет. Огромные, холодные, обступили.

А сам виноват, было же какое-то мгновеньишко, когда еще можно было бежать – вон туда, в проход, на лестницу, уж как-нибудь спустился бы Тек по лестнице, сам не знает, как.

И дальше – до города, до города, к людям, к людям, прочь от гибели.

А теперь – все.

Тек не верит себе. Ослышался, что ли...

И все-таки...

Нет, так и есть, говорят, говорят твари, четко, по-человечески, один повернулся к другому, бормочет:

– Не трожь, это этот... как его...

– Тот самый, что ли?

– Тот самый.

Сгибаются – в низком поклоне...

– ...ну хотя бы примерно формулу этой добавки вы указать можете?

– Смеетесь? Ее и химики-то не знают...

Тек боится. Хотя чувствует уже, бояться нечего, никакие они не звери. Чего ради им зверями быть. Люди и люди. Только не те. Другие. Которые там. в легендах. В прошлом.

– Как вас там... – чудовище постукивает пальцами по столу, – Тек... так вот, господин Тек, перед нами стоит сложная задача возрождения человеческой расы. За последние века люди деградировали, казалось, необратимо, вымирание человечества идет полным ходом... вы знаете это не хуже нас, господин Тек. Поэтому для нас особенно важно знать, каким образом вы добились уникальных результатов возрождения человека разумного...

– Да ничего я не добивался, тут даже разработчики не знают, как эта хрень действует...

Не слышат. Не понимают. Не верят. Смотрят с почтением – как на величайшее божество.

– Вы можете по крайней мере сказать... где достать этого... антихриста?

– Это у нелегалов. Давайте я вам адресочек сайта скину...

Тек скидывает адресочек. Теку боязно оставаться здесь, среди людей и в то же время не людей. Как они двигаются –

сами по себе, без кресел и машин, ах да, они же не люди, звери... то есть люди... но другие люди... то есть...

– А разрешите вопросик, – из толпы выбирается еще одна тварь, худая, чернявая, – как вам пришла в голову гениальная мысль возродить вымирающее человечество?

Тек думает.

М-м-м... я как-то об этом не задумывался.

Парни, да хороши пугать человека, вон, он уже сам не свой. Дайте ему отдохнуть, и так много сказал... и покормите, он скоро в обморок хлопнется.

Твари идут в комнату, откуда мерзко воняет чем-то живым, настоящим. Худая тварь с длинной шерстью размешивает в котле бурду, меньше всего похожую на пищу. Разливает по тарелкам.

Зверь, который допрашивал Тека, берет ложку, подносит к губам Тека.

– На-ко... попробуй.

Тек пробует. Теку невкусно. Тек знает, что не хватает глутамата натрия. И еще много чего.

– А привыкай. Без глутамата.

– Мысли читаете?

– Какие мысли... можно подумать, не знаю, про что ты думаешь.

Тек удивляется. Оказывается, они тоже умеют думать.

Тек думает.

Люди, которые не люди, спят, пофыркивают, посапывают во сне. Тек не спит. Тек думает.

Звезды раскинулись над городом. Над тем, что было городом. Тек раньше и не знал, какие они – звезды, звезды он представлял себе только по эмблеме Энерго-Стар.

Тек думает.

Что будет дальше.

Под рукой шевелится телефон. Он всегда у Тека под рукой, продолжение самой руки.

– Три семерки девять девяток сто двадцать девять, – объявляет Тек.

Тут же спохватывается, зачем ответил, зачем ляпнул, вот тут-то его и найдут, где он, Тек.

– Что, Текуша, не узнал?

– Не узнал. Богатый будешь.

– Ты куда пропал-то?

– А в никуда.

– Так не бывает.

Тек смотрит на звезды над руинами.

– Бывает.

– Тебя оправдали, слышал?

– К-когда?

– Да сегодня. Там двоих взяли, пятьсот седьмого и еще какого-то, прознали, что это они виноваты. Казнили их сегодня. Шеф про тебя спрашивал, ты когда на смену выходишь, а то без тебя зашиваемся.

– А... з-завтра.

– Ну смотри, ждем.

Тек бесшумно выскальзывает из комнат. Гонит – в темноту ночи. Тут бы фонарики включить. Только фонарики включит потом, когда отъедет подальше.

Тек думает.

Это у Тека хорошо получается – думать.

Думает, как просочиться в центр города, прорваться, пробиться, про... откуда столько машин, кажется, со всего мегаполиса машины сбились сюда, к центру, гудят, сигналият, выплевывают недовольные рожи водил, куд-да пр-решь, с-сука, ж-жить надоело...

...по сообщениям Конфедерации длина пробок на сто седьмой трассе составила семь тысяч километров, что составляет абсолютный рекорд. Напомним, предыдущий рекорд был зафиксирован...

Тек думает.

Перебирает в навигаторе развилки, порталы, измерения, прикидывает, как просочиться, как проехать. Не прикидывается. Не придумывается. Все забито, заколочено, на одной сто семнадцатой машины в восемь рядов стоят.

...ну, я хочу передать привет всем, с кем я переписываюсь в тви, потом всех, кто меня знает, кто меня любит, герлы, бойсы, ставьте мне лайки...

Тек думает. А босс ждать не будет, не любит босс кого-то ждать, это его все ждут. Вот так соберет всех от мала до велика на совещание, посмотрит – где Тек, нет Тека... а на нет и суда нет... Вот незадача-то, в кои-то веки хотели Тека в ви-

пы произвести, все при всем, при всем честном народе, как полагается, и на тебе, нет Тека. И ладно, кто у нас там следующий претендент в випы... сорок седьмой? Пожалуйста на трибуну, получите безлимитку...

Тек думает.

Ищет пути. Ждет того судного дня, когда встанут все тра-сы, все улицы, схлопнутся в один бесконечный коллапс, завяжутся узлом на самих себе.

...по сообщениям официальных источников Конфедерации в настоящее время выявлено местоположение мутировавших особей. Чудовища локализовались в районе заброшенных городов-призраков, в ближайшее время животные будут уничтожены посредством точечных ракетных ударов, нанесенных по...

Тек думает.

Это он может.

Сворачивает на неприметную трассу и дальше, дальше, — по маленьким улочкам, еще не забитым потоком машин. Смотрит на часы. Перебирает в уме переплетение магистралей и трасс, сворачивает — дальше от центра, от босса, от ви-пов, от наград...

Тек выбирается с трассы – на обочину, бывал уже здесь, еще когда бывал, еще когда первый раз бежал из города. Похоже и теперь бежать надо, нечего Теку в городе делать.

БАТАРЕЯ РАЗРЯЖЕНА...

Молчи уже, без тебя знаю. Осталось топлива с гулькин нос, интересно, что такое гулькин нос. И не надо бы сейчас включать бук, надо бы побережь топливо. А придется включить.

Тек открывает бук, жмет пуск.

ВОЙТИ В СИСТЕМУ ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ.

Тек входит.

Тек ищет пути, как просочиться на закрытые сайтф. Не может быть, чтобы путей не было. Если Тек их не видит, это не значит, что их нет. Тек думает. Анализирует. Это Тек может – думать.

ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ ПОЛЕТАМИ

Где-то готовят удар по городам-призракам.

Тек ищет пути...

К СТАРТУ ГОТОВ

Тек ищет пути. Батарея снова говорит ему, что разряжена. Тек отключает себе вентиляцию легких. Дышать самому трудновато, последний раз дышал на спор с парнями, кто дольше продержится. Тек продержался дольше всех, свалил-

ся в обморок.

Кто-то отсчитывает время до старта ракет. 10... 9...
8... 7...

Ищет. Пути. Тек.

6... 5... 4...

ЗАДАТЬ ЦЕЛЬ...

Тек взламывает электронные мозги центра управления.
Вот и думайте, кто управляет полетами ракет, центр или Тек.

ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОТИТЕ ИЗМЕНИТЬ ЦЕЛЬ?

Тек действительно хочет. Хочет пустить ядерную мощь
куда-нибудь в пустыню.

3... 2... 1...

Ну же...

БАТАРЕЯ РАЗРЯ...

И все. Как-то так внезапно – все. Обесточенное кресло
замирает, кувыркается, бултых – швыряет Тека в траву.

Тек прислушивается. Ждет.

На горизонте загорается небо, рушится на землю – с ре-
вом и грохотом, свет ярче солнца озаряет темноту ночи.
И не видно, и непонятно, куда полетели ракеты, где пыхну-
ли, где надо или где не надо...

Сгущается ночь.

Белеет на небе трассирующий след.

Тек пробует ползти – руками, ногами, давненько не пол-
зал, еще с тех времен, когда плохо понимаешь, что лезя, что
нельзя, когда выбираешься из детского креслица, шканды-

баешь по полу, валишься неуклюже – набок, и кто-то подхватывает тебя, нельзя, нельзя... Искусственное сердце тоже отключилось, интересно, сколько Тек продержится на настоящем.

Ползет Тек. Неуклюже падает набок, еще набок. Покалывает в груди, давненько так не кололо, сейчас бы вызвать ноль-ноль-ноль, только как его здесь вызовешь, батарея разря...

Ползет Тек. Может, заметят его там, близ старого города, может, пройдет мимо кто-нибудь, это у них хорошо получается – ходить. У новых людей. Которые старые. Которые новые. Если они еще там. Если ракеты полетели куда надо. То есть, куда не надо. То есть, куда надо, то есть...

Мысли путаются.

Может, пройдут люди.

Может, увидят.

Подберут.

Так думает Тек.

Это он умеет. Думать...

2013 г.

На экспорт

– ...за последние четверть века экспорт цивилизации в отдаленные районы достиг масштабов и успехов, о которых мы не помышляли ранее, в темные времена. С развитием телепортации стал возможен экспорт достижений науки не только в пределах нашей галактики, но и в соседние галактики, и даже за пределы вселенной. Однако, наши исследователи не собираются останавливаться на достигнутом, планируем увеличивать дальность и объемы телепортаций. В ближайшем будущем...

– Время, время...

– Простите?

– Время...

– Ах да, прошу прощения... Большое спасибо за внимание.

Поблагодарим генерального конструктора за доклад, действительно, без достижений телепортации развитие цивилизации было бы невозможным. И мы предоставляем слово непосредственно героям нашего проекта, лицам, несущим свет цивилизации в отдаленные районы.

– Большое... большое спасибо...

– Пожалуйста, в микрофон, вот сюда...

– Большое... спасибо. За последние четверть века мы достигли... значительных успехов. Лично мне... довелось раз-

вивать цивилизации таких отдаленных районов, как... Спики, район Ригеля... система Снмлунмль, земля целатавров...

– Ну что же вы, друзья мои, не слышу ваших аплодисментов! Вот так... спасибо большое.

– В основном удалось... В основном нам удалось добиться значительных успехов в цивилизации... в развитии цивилизации... в отдаленных районах. Например, в районе Спики население не знало, что такое огонь, мы просветили их. Без ложной... без ложной скромности замечу, что тамошние жители считают меня... чем-то... ну, чем-то вроде Прометея...

(аплодисменты)

– Не обошлось, конечно, и без некоторых трудностей, которые мы... которые... ну, которые мы не могли предвидеть... Например... в Системе Снмлунмль достигла... цивилизация достигла определенного уровня... развития... Тамошние жители начали свободно телепортировать... у них... их организмы... не выдерживали подобной операции... они... они...

– Они погибали?

– Нет... да... цивилизация была... уничтожена. К тому же...

– Время, время...

– А... да... спасибо.

– Спасибо большое первопроходцу, давайте поблагодарим аплодисментами первопроходцев, несущих свет цивилизации на отсталые планеты. Планета не забудет вас, ваши име-

на займут достойное место в списке героев. А мы предоставим слово нашим математикам, в лице... гхм... простите, запамятовал ваше имя...

– Спасибо... кхм... большое спасибо...

– В микрофон, пожалуйста.

– Спасибо... кхм... в расчетах прогнозов развития... цивилизации мы достигли... кхм... значительных успехов по сравнению с предыдущей эпохой... напомним, что в прежние времена большинство цивилизаций развивались... кхм... циклично, за периодом интенсивного развития следовала... кхм... стагнация или и вовсе спад. Сейчас нам удалось добиться... относительно ровного развития цивилизаций... на всех без исключения планетах...

– Однако, я вижу, в зале есть вопросы. Пожалуйста, задавайте.

Мин Инк, председатель комитета по предотвращению гибели вселенной. Скажите пожалуйста, когда будет решена проблема апокалипсисов.

– Напомним, что проблемой апокалипсисов заключается в том, что многие цивилизации гибнут на определенном этапе своего развития, когда конфликты приводят к неизбежной войне, влекущей за собой гибель цивилизации, а иногда всей планеты. Что на это скажет математик?

– Действительно... кхм... проблема стоит слишком остро, по последним данным более пятидесяти процентов цивилизаций заканчивают свою историю тотальной войной...

– Не слышу аплодисментов! Более пятидесяти процентов цивилизаций, это же значительное достижение... А-а, прошу прощения.

– Мы долго думали... кхм... над этой проблемой, предлагались даже кардинальные способы решения, такие как... кхм... торможение развития цивилизации на определенном уровне... Однако, в последние годы большинство экспертов... кхм... сходятся во мнении, что гибель является таким же необходимым этапом развития цивилизации, как зарождение, развитие...

– Время, время... Действительно, за цивилизованное общество надо платить. А мы предоставим слово представителю нашего военного корпуса... что-то я не вижу его в зале... А, вот вы где... прошу на трибуну...

– Спасибо.

– В микрофон, пожалуйста.

– А? Ага, спасибо. Ну, за последние годы мало что изменилось. По-прежнему большинство планет... не хотят общаться к цивилизации...

– Неужели? Мы были уверены, что население с радостью встречает гостей, несущих свет разума.

– Да ни хрена. Они же вообще ничего не понимают... с князьками своими, с царьками, кто у них там... Царькам же вообще не выгодно, чтобы цивилизация какая-то там была... Вот так вот, придешь к ним, начнешь учить... они не учатся... что им наши школы, все такое... как сидели в своих

храмах, молельнях, так и сидят...

– Невероятно. Напомните, пожалуйста, о каких именно планетах вы говорите.

– Ну, та же земля целатавров... Мы им показываем, как норы рыть, как огонь разводить, им один хрен, что в лоб, что по лбу... сидят по своим храмам, богам своим молятся... и гнезда на деревьях как вили, так и выют. И слогов не знают, глаза у них, что ли, не так устроены...

– Прошу прощения, но ведь, насколько мне известно, в настоящий момент земля целатавров – вполне высокоразвитая?

– Ну, это сейчас... как послали три десанта наших, как наподдали им хорошенько... как миленькие начали и норы рыть, и все при всем...

Похвально, похвально... прискорбно, конечно, осознавать, что в некоторых районах приходится идти на жертвы, чтобы свергнуть существующую дикость, привить культуру... однако, я считаю, это необходимый этап...

– Да надо думать... или эта... как ее... Со Мла.

– Со Мла? Простите, что-то не припомню такого.

– Да что тут припоминать, замаялись мы с ней... Планетка крохотная, черт знает что творится, дичь несусветная...

– Норы роют?

– Убедительная просьба, если хотите задать вопрос, жмите на кнопку.

– Жму. Норы они там роют?

– Да какое там норы... вообще дичь какая-то, они в каменных горах живут.

– Немыслимо.

– Ну, а я про что... хуже гнезд...

– А... на шарах они летают?

– Повторяю, убедительно прошу жать на кнопки.

– Да жму, жму, не работают ваши кнопки, меха все дырявые... Летают они на шарах?

– Да какое там, к хренам собачьим на шарах...

– Не выражайтесь, здесь женщины.

– Знаем мы этих женщин, сами кого хочешь за пояс заткнут... В железяки в какие-то садятся, как-то у них железяки эти в небо поднимаются...

– Колдовство?

– Убеди...

– Вот-вот, на колдовство похоже, так что до цивилизации им, как до квазаров пешком... Потом это... про слогги они слыхом не слыхали, дурью какой-то маются, медитируют...

– Можно поподробнее?

– Убедитель...

– Да сидят, палочками по пергаменту царапают, царапают, крючочки-закорючки.... Или давай по пергаменту масло размазывать...

– Чтобы укрепить?

– Убе...

– Да пошел ты с кнопками своими... какое укрепить, вот

так масло по пергаменту размажут, и смотрят... медитируют...

– Действительно, дикая земля.

– Не то слово. Потом это... из камней невесть чего нагромождают, и ходят, смотрят...

– Дичь.

– Ну...

– Похоже, они вообще не имеют представления о цивилизации.

– Ни хрена.

– Вы планируете послать на Со Мла наших учителей?

– Да на хрена им наши учителя... десант послать, и дело с концом. И даже не десант, я тут другое что задумал... Радиацию активировать, они сами все под землю уползут, хоть заживут по-людски...

– Ваша проницательность, как всегда, меня поражает. Большое спасибо, а слово предоставляется...

2012 г.

Эксперт

Хоть бы отдышаться дали, хоть бы дух перевести... какое там... Уже все, давай, вперед, рывком поднимают с пола, выталкивают из клетки. Нет, не понимают, хоть кол на голове теши, не понимают, что человеку отдыхать надо, пока замертво не свалишься, не отстанут... а может, и были такие тут до меня, которые замертво валились... кто знает, вон там у них огромный холодильник в конце коридора, так и кажется, откроешь, а там тела мертвые с номерами на ногах...

Все, некогда, некогда, уже выволокли на залитый солнцем пляж, и плевать, что трое суток не спал, ходи, смотри...

Хожу. Смотрю. Хожу, по нежному песочку, вдоль берега, вода чистая-чистая, синяя-синяя, такой и в природе как будто и не бывает... ложусь в тенечке под зонтиками тропических пальм, глаза закрываются сами собой, нежный песочек ласково обволакивает, какие-то видения, сны наваливаются на измученную голову... О-ох, ч-черт... Ну сколько им повторять можно, нельзя так человека будить, пинками, пинками, так и до неврастения недалеко... Вас бы кто пнул, да посильнее...

Ну что, что вы все на меня уставились. Хожу, смотрю. И нечего за мной по пятам по песочку, хожу, огибаю причудливые ракушки, камушки, киоски с чем-то прохладительным... А, пропади оно все, не ныряю – падаю в море, вот

так, тихонечко, плыву вдоль берега, а то ночь не спал, уже и тела своего не чувствую...

Нет, надоело им ждать, вот он уже прется, главный, просящее заглядывает в глаза...

– Ну что? Что?

Растираю виски, выпаливаю, сам пугаюсь своего голоса:

– Отстой.

– Не... нравится вам, вы хотите сказать?

– Что тут может понравиться, вы мне скажите?

– Ну... Мы к вам так старались, делали...

– ДЛЯ ВАС так старались.

– Прошу прощения... мы столько много потратили...

– ТАК много.

– Прошу прощения.

Отворачиваюсь, презрительно отпинываю ракушку.

– Не нравится?

– Нет, конечно. Море то же самое... кому это надо, чистое, синее... хоть бы бутылок туда каких накидали, фантиков всяких, еще там грязи какой... и вода тоже... вода мутная должна быть, кто в такой купаться-то будет...

– Ага... сию минуту... сделаем...

Вот и делайте сию минуту, смотреть тошно...

Море преображается, ага, хорошо постарались, откуда только столько мусора нагребли, как на свалке... банки, бутылки, бумажки не поймешь от чего, эт-то что... чувствую, как к горлу подкатывает тошнота.

– Нравится?

– Уже лучше... пляж-то что, нормально сделать не смогли?

– Мы... по фотографии...

– По фотографии... мало ли там что по фотографии. Я тут всю кожу содрал, на песке этом валяться... камушков-то не могли накидать побольше?

– Крупных?

– И крупных, и мелких, и всяких, и поострее, и мусора опять же, куда без него, родимого... потом на хрена эти пальмы поставили, лучше-то ничего не нашли?

– Сию минуту... сделаем...

Услужливо суетятся передо мной, снова вздрагиваю, когда мир преображается. Здорово они это умеют... ложусь на камни, тут же в локти впивается какая-то дрянь, довольно улыбаюсь.

– Ага, кайф...

– Нравится?

Прямо-таки сияют.

– Нравится, нравится... Вот можете же когда хотите...

Придирчиво оглядываю берег, что бы еще такого....

– Еще знаете... пятно мазутное ляпните.

– Куда?

– Куда-куда, на воду, ясс-ное дело... или нефти там какой.

Хотя, можете и на берег тоже.

Вздрагиваю – когда то самое пятно оказывается приме-

хонько подо мной, вот черт, теперь век не отмою... Хочу ополоснуться в море, брезгливо отворачиваюсь.

– Кофейку дайте. И перекусить что-нибудь.

Оторопело смотрят на меня. Ах да, где им понять такие сложности, как что-нибудь, им конкретно давай...

– Ветчинки давайте, тосты...

С жадностью глотаю кофе, ем – через силу, надо что-то есть, а то свалюсь тут замертво, и плакали мои денежки, можно подумать, я один такой на весь мир, можно подумать, они другого дурака себе не найдут... да на земле их шесть миллиардов... Главное, не забыться, не забыть, что я делаю, а то тут не то что миссию свою, имя свое забудешь...

– Ну и... комбинатик какой-нибудь на берегу поставьте...

Не понимают. Наспех выискиваю что-то в Яндексе, сую пальцем в марсианский пейзаж Карабаша.

– Вот такой.

– Людям это нравится?

– Еще бы не нравилось, стали бы люди строить то, что им не нравится.

А что... хороший аргумент вышел...

– Вот так?

– Ну, да... и дымил чтобы посильнее, люди лю-у-любят, когда дымно...

– Что же вы не сказали, – спохватывается главный, – а мы вас в камере без дыма держали...

– Да ладно, я не наглый, еще я дым с вас требовать буду,

еще мазут, еще дождь, вы бы тут вообще разорились со мной к чертям собачьим...

– Что вы, все проплачено... вы бы сразу сказали, мы бы для вас ничего не пожалели... А, как вы сказали, дождь?

– Ага, мерзкий такой дождишко... а, то есть, мелкий, я хотел сказать...

Главный приближается ко мне, осклизлый шар, поры раздуваются, выпуская мелкие глазки. Сжимается сердце, так и сожрет меня с потрохами, не подавится...

– Да... еще скажите, что там обычно на входе пишут, добро пожаловать? Или как там...

– Проход закрыт.

– Как, еще раз?

Пишу – большими буквами на песке, вернее, уже не на песке, черт пойми, на чем, на пыли какой-то.

– Вот так.

– Прошу прощения...

Смотрю на еще одну осклизлую тварь, ты-то откуда вылез, тебя кто звал...

– Прошу прощения, я переводил тексты, по моим данным проход закрыт означает...

Бормочет что-то про тупики и запретные пути.

– Я бы такого переводчика в три шеи выгнал, – качаю головой, – кого в переводчиках держите-то?

– Осклизлая тварь чернеет, пятится назад. Черт, только бы его не казнили теперь... хотя... мне-то что, казнят, ту-

да ему и дорога...

– Вот так, да? – кто-то сует мне под нос табличку.

Довольно киваю.

– Еще знаете... значок вот такой поставьте... Это сигнал такой... особого расположения...

Неловко вырисовываю череп со скрещенными костями, обвожу треугольником. Сойдет... Спыхватываюсь, рисую еще один знак, черный трилистник на желтом фоне.

Ну что еще, что... отпустите вы меня или нет, гады... А кто вообще сказал, что они меня отпустят, наобещали золотые горы, реки, полные вина... Что, зря у них, что ли, холодильнице стоит, так и кажется, откроешь, а там тела...

– Огромное вам спасибо.

– Да не за что.

Жду. Ага, вот оно. Как обещали, выносят оплату, слиточками, раз, два, десять, двадцать... на каждом проба, еще там какие-то номера, все при всем... Главное, с этим не ошибиться, а то меня потом в банке загнобят...

Главное, унести все это сокровище... легко сказать... поднимаю сумку, чуть не валюсь под ее тяжестью... вот что значит, ночь не спал, а когда жрал нормально, вообще не помню, было такое когда-нибудь или нет...

Везут обратно. Вот за это уважаю, где взяли, туда и вернули, все честь по чести. Снова забываюсь, убаюканный покачиванием машины, хоть бы в воздушную яму какую провалились, сон стряхнуть...

Снова тычок в спину. Так, еще раз меня любимого ткнете, такого пинка дам, мало не покажется.

– Людям... должно понравиться?

– Ну конечно. То, что надо.

– Они... придут туда?

– Прибегут.

– А вам... вам понравилось?

– Безумно, – вымучиваю из себя улыбку, – прямо это...

уходить жалко.

Черт, что ляпнул, сейчас скажут – оставайтесь.

Не сказали... тем лучше...

– Дороговатенько вам все это обойдется.

– Ну что вы... под людей... не жалко.

– ДЛЯ людей.

Прошу прощения. Для... людей.

Останавливаемся – в богом забытом переулочке на окраине города, только бы мне теперь с золотишком этим до дома дойти живым. Попросить, что ли, до квартиры проводить, да ну, на хрен, нечего им знать, где я живу... Хотя... они, похоже, и так уже все знают.

– Не стыдно вам?

А? – оторопело смотрю на него. Похоже, ослышался. Или он что-то другое хотел сказать...

– Не стыдно?

– С чего?

– Все-таки... человечество предаете...

– А-а, вы про это... Да ну... одним больше, одним меньше... своя-то рубашка ближе к телу...

– Это что?

– Ну... это так говорят...

Прощаемся. Машина поднимается в небо, большая, блестящая, машу рукой. Кажется, все... придут люди, еще как придут, понравится, да не то слово, понравится... в восторге будут... ловушечка, блин...

2012 г.

Работа такая...

– Подбросите?

Заглядывает в машину, маленькая, шустрая, глазешки черненькие, как две ягоды.

– Куда подбросить? На Луну, или дальше?

Улыбаюсь, подмигиваю.

– Да ну вас...

– Да садитесь, садитесь, барышня, куда скажете, туда и подброшу. Хоть до неба, хоть выше...

Неловко забирается в мой жигуленок, долго дергает ремень, не может пристегнуть, да ты его тихонечко-тихонечко тяни... вот так...

– К Торговому вам?

Смущается, смотрит на меня, маленькая, юркая, в черной шубеечке.

– А вы откуда знаете?

– А я все знаю... работа у меня такая, все знать.

Выворачиваю жигуль – правее, правее, в переулки, мимо пятерки мусорных ящиков с надписью «Продается пятикомнатная квартира со всеми удобствами», мимо облетающих кленов, каких-то школ-садилов, огороженных решетками, за которыми резвятся ребятишки, детки в клетке...

– А вы куда едете, вы же сказали, к Торговому... – смотрит на меня, маленькая, напуганная, блестят глазешки.

– И еду к Торговому, в обход-то быстрее. Там на проспекте две фуры друг в друга врезались... встретились... два одиночества. Так что там сейчас не пройти, не проехать...

– А вы откуда знаете?

– Да говорю вам, работа у меня такая... все знать.

Смотрю на нее, маленькую, тоненькую, стрижечка какая-то замысловатая, что они там, на голове себе делают, прядочка рыжая, прядочка красная, прядочка синяя, реснички в километр, такими ресницами хлопнет, полгорода ветром сдует. Все про тебя знаю, что тебе своих ресничек мало, еще и наращивать их ходила, подружайка тебя какая-то в салон красоты позвала, на тебе учиться ресницы клеить... Ты еще думала, она тебе бесплатно ресницы приклеит, как бы не так, один глаз сделала, тут же снова все отклеила, спасибо, Иришка, всего хорошего...

Это я о чем...

Ну да, что все про тебя знаю. И как ты в Торговом на кассе сидишь, платы за интернет собираешь, боссы твои тарифы задрали, а с людей по старинке плату взяли, теперь у всего района интернет не работает. Они сейчас все к тебе доплачивать придут, и ругать тебя будут на чем свет стоит, хоть ты тут не при чем...

Только ты того еще не знаешь.

А я знаю.

Работа такая, все знать...

Выезжаю со двора, что-то щекочет в голове, притормаживаю...

ваю, резко, как-то слишком резко, прохожие оглядываются, ты, мол, чего. А я чего, а я ничего... пропускаю юлящий за мной розовый матиз, он резко вырывается вперед, тут же летит кувырком, сбитый черным джипом на перекрестке.

Довольно киваю – самому себе.

– Как это вы... успели... – шепчет, маленькая, напуганная, глазки блестят.

– Что хочешь, Ириска, работа такая, все знать...

– А откуда знаете, что я Ириска?

Говорю тебе, работа такая... и не Ириска ты, а Иришка, а подруги тебя Ириской зовут...

Смотрит недоверчиво, думает, не выскочить ли из машины. Думай, думай, мне все равно... и вообще, я знаю – не выскочишь, не надумаешь, я все знаю.

Работа такая. Еще когда все знал... еще когда этот, Пулий Патриций расхаживал передо мной, заламывал руки, обижался, видно было, и правда на меня крепко обижен...

– Не понимаю, Лукий, что за неуместная гордыня подстрекает тебя отвергнуть мое приглашение, что за нелепая леность мешает тебе посетить мой прекрасный дом. И даже не забивай мой слух оговорками про неотложные дела, знаю я, нет у тебя никаких дел...

– Как-нибудь... в другой раз, – говорил я, – в следующем месяце непременно.

– Что в следующем месяце, если сейчас жаждет сердце мое увидеть милого сердцу друга в моем доме! Для того ли

купил я дом в Помпее, для того ли разбил вокруг дома цветущий сад, чтобы теперь лучший мой друг отвергал меня?

– Клянусь тебе, на той неделе непременно...

Что мне та неделя, что тебе мешает сейчас прервать свой путь на пару дней, разделить со мной кров? Я не видел тебя три года, и боги послали нам короткую встречу, чтобы ты снова исчез, только появившись на горизонте?

Кажется, я поссорился с ним тогда. Не помню. Помню, как он уехал прочь, на своей колеснице, нахлестывал раба, который в свою очередь нахлестывал тетриппу...

Я знал, что вижу Пулия Патриция последний раз.

Работа у меня такая – все знать...

– Давно там работаете?

Спрашиваю, уже знаю, скажет:

– Давно.

И знаю, что никакое не – давно, месяц ты там работаешь...

Все про тебя знаю.

Работа такая – все знать.

И что до работы ты сегодня не доберешься, тоже знаю, когда побежишь по Торговому к своей кассе, в зал уже войдет опоясанный человек, уже начнется отсчет времени на его поясе – десять, девять, восемь...

Все знаю.

Работа такая...

Да что у тебя за работа, уже и не видишь ничего кроме своей работы...

Голос – откуда-то из ниоткуда, из прошлого, кто мне это сказал, и когда, уже не помню имени этой женщины, да знал ли я ее имя... нет, знал, работа у меня такая – все знать...

Тоненькая, затянутая в корсет, вся какая-то водянистая, глаза блеклые, как у рыбы, волосы бесцветные... что в ней мужчины находили... но что-то находили, одна она никогда не оставалась, я был у нее не единственный, даже когда встречались – тайком от мужа – в каких-то отелях, когда она шептала мне – давай убежим, завала куда-то – за дальние горизонты к дальним берегам...

Да что у тебя за работа, уже и не видишь ничего, кроме...

Да, она мне это сказала – там, на причале, куда позвала меня – через каких-то посыльных, какими-то письмами, ни в коем случае не садись в первый кэб, езжай – до вокзала Ватерлоо, и в Саутгемптон, муж все знает, и все такое... муж все знает, знала бы она, кто из нас двоих все знает...

Работа у меня такая – все знать...

И я знал. когда стоял на причале, она протягивала мне билеты, эконом-класс, этот тиран нас не найдет, убежим, будем вольные птицы, начнем все сначала, там, за океаном... И я смотрел на корабль, бормотал какие-то отговорки, про работу, про дом, про родственников, еще про что-то там... Уже знал – не поплыву. Да что у тебя за работа, кричала она, были слезы, упреки, еще много чего, помню, как она порвала мой билет – в клочки, как поднималась по трапу, тонкая, вся

какая-то водянистая, затянутая в корсет...

Я уже знал, что вижу ее в последний раз.

Работа такая – все знать...

Щекотно в голове, даже не успеваю толком прислушаться к себе, выворачиваю руль – левее, левее, делаю крюк, еще сам не знаю, зачем. То есть, как это – не знаю, что-то с треском и грохотом падает сзади, Ириска оборачивается.

– Прикинь, газелька под асфальт провалилась...

– Ага, знаю... еще прошлой весной под асфальтом там размыло все...

– А ты откуда знаешь?

– А работа такая, все знать...

Ириска улыбается – улыбайся, недолго тебе осталось. Лавирую в потоке машин, этот вот сегодня кувыркнется с моста, этот врежется в киоск, вон дамочка едет, руль крутит, с телефоном балуется, эта дамочка никуда не врежется, ее через пять лет убьет муж, в какой-то семейной ссоре... А этот вон, в гранд чероки, он свою жену убил два года назад, хорошо скрыл...

Торможу – за секунду до того, как из-за угла со звоном и грохотом вылетает трамвай.

Работа у меня такая – все знать.

Работа такая... тогда тоже на работу ссылался, когда спешно вышел из офиса, мистер Дженкинс еще вылавливал меня по коридорам, постойте, я хотел пригласить вас на лэнч, а контракт, а договор, а... Ссылался на какие-то

неотложные дела, бедный Дженкинс подумал, что я потихоньку перетасовался к конкурентам... пусть думает, недолго ему тогда оставалось думать, я тогда думал о другом, как бы побыстрее выбраться из Всемирного Торгового Центра...

Работа у меня такая – все знать.

Я-то свою работу знаю...

– Учишься? – спрашиваю Ириску, как будто сам не знаю.

– Ага, на менеджера по кадрам.

Киваю. Все знаю. Что ничего ты не учишься, и не училась никогда, приехала поступать, провалилась с треском, матери до сих пор пишешь в е-мейлах, как сдаешь зачеты, экзамены, сколько вам задают, просто ужас... Знаю, и как ты вчера сидела на кассе, и тебе померещилось, что в толпе знакомое пальто, пальто твоей матери, ты чуть не сорвалась с места, не кинулась вон с кассы...

Все знаю...

И как пройдешь мимо подпоясанного человека – тоже знаю.

Работа такая – все знать...

Да что у тебя за работа, вечно как соберемся, так у тебя работа, говорили мне мудрейшие из мудрых, когда я собирал свои пожитки, что не сидится тебе на месте, говорили мне, когда я собирался в дальний путь. Что манит тебя в далекие страны, где дикари правят дикарями, где ты еще найдешь остров столь великий и прекрасный, как наш? Если ты

покинул родимый дом в поисках мудрости, если ты скитался по свету, чтобы учиться наукам, где еще найдешь ты столько мудрости, как в нашем государстве? Я не знал, что им ответить, все ссылался на какую-то работу, на какие-то дела-дела-дела, а сам думал, как бы побыстрее сбежать с острова. Кажется, атланты обиделись, на прощание поклонились мне так сдержано, что я готов был сквозь землю провалиться...

Куда денешься...

Работа такая – все знать...

– Спасибо большое... с меня сколько?

Смотрю на нее, хочется сказать – нисколько, спохватываюсь:

– Двести.

00:15

Все равно уже, на что тебе теперь деньги...

Выходит – смотрю, как идет к бизнес-дому, переступает каблучками, вижу его, идущего чуть сбоку, не вижу на нем пояс, но знаю, что он есть, вижу, что будет потом, грохот, звон разбитого стекла, кровавые кусочки внутренностей – на стенах...

Включаю зажигание...

00:01

Бегу из машины – в сияющий холл, хватаю за шиворот – его, волоку по ступенькам...

– Ты че, мужик, охренел?

00:00

– Ну что сказать, жизнь-то вы предпоследнюю потратили...

Худое лицо врача наклоняется надо мной, узнаю одного из наших, который все знает.

– Потратил, – соглашаюсь я.

– На кой черт вы туда поперлись-то вообще? Не знали, что ли, что там случится, что там этот... с поясом...

– Знал.

– Или что погибнете, не знали?

– Тоже знал.

– Тогда какого вы туда ломанулись?

– Эту... девчонку спасти.

– Чего ради вам девчонка эта далась, спрашивается?

– Не... не знаю.

Пописываю заявление, кладу на стол, вроде, ничего не забыл, выхожу в темную улицу. Я знаю, она ждет меня на перекрестке, в свете фонарей. Ухожу – в ночь, в свет фонарей, а что мне еще остается, если сказал – не знаю...

Работа такая.

Все знать.

2013 г.

Некруглая дата

Свечи... торт... что там еще... вино... Вспомнить бы еще, какие свечи, свечи накаливания или свечи зажигания в машине...

А что вы хотите, я в таком возрасте, что не помню уже, как оно бывает, когда день рождения... Бывает что-то, как-то, и черт его пойми – как...

Открытки... нет, открытки не я должен делать, это мне кто-то должен прислать. Что-то не замечаю. А что я хотел, возраст такой... Я уже сам про себя забыл, еще хочу, чтобы другие про меня помнили...

Музыка... какая к чертям собачьим у меня музыка, разве что – небесных сфер.

Что еще... елка... нет, елка, это на какой-то другой день надо, на первое мая, что ли... Да не умею я эти дни рождения справлять, лучше бы и правда – замаял...

Гости. А да, гости. Это с которых и открытки, и торт, а с меня елка и музыка, то есть вру, музыка, это на первое мая... а елка... на второе.

Смотрю на телефон, перебираю номера, кого-то нужно позвать, знать бы еще – кого, кто тут есть... кредитор... вот кого меньше всего хочу видеть, это кредитора...

– Молодой человек, вы ко мне третий раз обращаетесь,

а первые два когда отдавать будем? – сухонький старичишко недобро косится на меня.

М-м-м...

– Вот тебе и эм-эм-эм... – старичишко скалит гнилые зубы, распахивает дверь, – всего хорошего, будьте здоровы... живите богато.

Какое тут богато... Вот тебе и доверительные кредиты после беседы... Смотрю на старичишку, нет, быть того не может, не можешь ты меня сейчас за дверь выставить, ну не можешь, есть у тебя какой-то козырь, какой-то запасной вариант, есть...

Вот что...

Прыгает сердце.

– ...молодой человек, вы мне времени своего немножко не уделите?

– К-конечно.

– Вот за это спасибо большое, а то...

Кредитор...

Даже не знаю его фамилии, в телефоне он у меня значится как Кредитор. Тогда я и уделил ему первый раз немного времени, совсем немного, лет пять, это было больно, очень больно, помню, плакал, стыдно было, что двадцать лет, и плачу, а вру, не двадцать уже, двадцать пять... Кредитор водил стеклянной палочкой по моей голове, приговаривал, ничего, ничего, все плачут, кто и в голос рыдает...

Кредитора...

На хрена мне приглашать этого кредитора, знаю я этого кредитора, сначала пять лет жизни, где пять, там и десять, где десять, там и двадцать... Высасывал, высасывал палочкой, больно, сильно, до крови из носа, до золотых мушек в глазах, долго высчитывал что-то на треснувшем калькуляторе, нехотя отстегивал десять тысяч, двадцать тысяч...

Кредиты после беседы...

Без залогов и поручителей...

Что еще нужно... Флажки развесить, нет, вру, флажки, это какой-то другой день... А вот что, тыкву, тыкву-тыкву-тыкву, выдолбить, и свечку туда вставить, вот это точно на день рождения. Знать бы еще, где взять эту тыкву...

Или гостей кого-нибудь попросить, робя, ко мне пойдете, тыкву прихватите, кому не жалко... Гостей... Снова перебираю номера, это кто... Контакты... Группы... Одноклассники... Вот точно, одноклассников надо, сколько лет уже не виделись, хоть посмотрим, у кого как жизнь сложилась... Кто космонавтом хотел быть, тот теперь в магазине за прилавком, кто Нобелевку хотел, тот теперь фуры разгружает... знаем мы вас... а какой-нибудь Петро Анискин, Петро, ты учиться будешь вообще, нет, подъедет на ленд крузере, ну я к вам на минутку заскочил, мне в Лондон лететь...

Одноклассники... Леночка Белощекина, вот ее надо бы...

набираю номер, вовремя спохватываюсь, что делаю, разбилась Леночка с каким-то хлыщом в тачке... когда это еще было...

Витек... Витька даже не набираю, нечего набирать, сам был на его похоронах, даже не узнал его там, в ящике, тоненький, как сосулька, вот что с человеком рак делает...

Дюшаня... тоже туда же, с инфарктом... А что я хотел, в моем возрасте только и осталось сидеть, перебирать имена, кого больше нет... Так вот собирались бывало классом, сидели, как десять негритят, кто следующий...

А казалось, нескоро-нескоро так будет... Вот так вот в двадцать лет посмотришь на жизнь, такую долгую-долгую, думаешь, неужели мне пятьдесят будет, неужели шестьдесят, это ж как много, это же я старь-старь буду, а было же, и пятьдесят, и шестьдесят, и ничего, как-то старым себя не чувствовал...

Что еще... Ах да, взять с десятков яиц, краски, нарисовать там на них что-нибудь... И друзьям посылать, еще говорить нужно что-то при этом... Да прибудет с тобой сила... нет, не то. Не помню. И вообще это не на день рождения, а на Рождество делают...

Тоха... про Тоху лучше не вспоминать... Помню Тоху, матерый бородач, ввалился ко мне, еще долго топал в прихожей, еще долго снимал в пальто, еще долго просил взаймы, ну на месяц, на два, чесслово верну. Пришел – когда мне

оставалось жить лет пять, какие-то внутренние часы подсказывали – лет пять, когда я попросил Тоху уделить мне немного времени...

Тоха... Я водил палочкой по его лбу, мерзость какая, не люблю, когда мужчины от боли плачут... сам знаю, как больно, все равно – не люблю... А потом еще немного времени. И еще. И нечего мне говорить, что это я его убил, все честь по чести расписали, я, имярек, добровольно отдаю десять лет жизни, в обмен на десять тыщ рэ, претензий не имею...

Что десять тыщ рэ... мне и за бутылку водки жизнь продавали... если бомжара какой-нибудь...

Тоха... Да что прицепился ко мне этот Тоха, вот никого не помню, Тоха прицепился. Ну ясное дело, одно дело изловишь кого-нибудь в подворотне, палочкой по лбу – щелк-щелк, сразу насмерть, а тут Тоха... за одной партой сидели, Тоха, домашку сделал, ты с дуба рухнул, я у тебя ночевал, когда бы что сделал...

Время летит... Вот так еще в каком-то классе судили-рядили, кто из нас всех переживет, показывали на девчонок, женщины дольше живут, гнобите вы мужчин, вот дольше и живете... Я тоже выбирал между Белощекиной и Аничковой, никогда не думал, что останусь – я...

Что там еще на день рождения... Салюты, фейерверки... Это дело десятое... А вот, мимозу надо, мимозу... нет, ми-

мозу, это на какой-то другой праздник... На девятое мая, что ли... А что вы хотите, возраст уже такой, что я имени своего не помню, а вы мне про тыквы с мимозами...

Перебираю номера. Люба, откуда Люба, какая Люба, не знаю я никакой Любы, телефон мой знает, я не знаю... Позвать эту Любу, не знаю, кто и откуда, хоть открытку принесет и тыкву, будет настоящий день рождения...

Люба... ах да... Это сколько мне было... не помню, тоже вот так же собирал на день рождения кого-то, кого уже не собрать, звонил по номерам, которые не отвечали... Да по каким номерам, тогда и номеров не было, выдумали эти... телефорты, или как их там... Еще вычеркивал какие-то имена, даты, дни рождения, этот сторел от рака, этот разбился в самолете, этот не отвечает, похоже, тоже уже все, последний раз его видел, он вообще от кашля задышался, докурился парень...

Было... искал кого-то, прыгал из портала в портал, доченька, не подскажите, как этим пользоваться... Да вы, дедуля, в приемный отсек вошли, а надо в пассажирский... Переходил – из города в город, не узнавал городов, ишь что выстроили, до неба, а раньше тут двадцатипятиэтажки стояли, такие, знаете... А Копачинский не здесь живет? Не знаете такого? А, ну, ну...

Люба... Люба была на последнем этаже какого-то пятиэтажного пентхауса, снаружи маленький домик, внутри – коридоры, коридоры, этажи, этажи, этажи... долго звонил

по каким-то каналам, плутал в каких-то порталах,

– День добрый...

– А вам кого, мужчина?

– А мне бы Викторию... Резенцеву.

– А она умерла.

Даже не удивился.

– А вы кто, барышня, будете, дочка ее?

– Правнучка.

– Вот время летит...

Люба... Любу надо позвать, надо... Удивится, наверное, как удивилась, когда пришел наутро, здравствуйте, мне бы Викторию... а она умерла. А, да-да, вы говорили... разрешите войти... Вы дочка ее будете? А нет, правнучка, вы говорили... Чайку-то у вас не найдется? Или что у нас сейчас пьют, кау-фэа... А вот в мои времена чай такой был в пакетиках, их в кипятилок опустишь, они... Ух ты, вам сколько лет? Смотрел на нее, молодую, свежую, и язык не поворачивался сказать – триста десять...

Любу... да, она открытки принесет, и тыкву, чтобы все как положено было... молодая, свежая, сейчас уже, наверное, не молодая и не свежая, сколько времени прошло... Чего доброго опять, разыщу ее адрес, откроется дверь, а мне бы Любу, а она умерла, а вы дочка ее будете? Праправнучка...

Нет... она будет, она не может не быть, зря, что ли, для нее в тот же вечер на улице начисто высосал десятерых, од-

ного за другим, наутро газеты писали про серийные убийства... Явился, похорошевший, помолодевший, Люба, а вы не сильно заняты, а то я тут в кино с другом намыливался, а он приболел, вот, билет пропадает, семь-дэ... Комедия там какая-то...

Люба... Она придет... не может не прийти... зря я что ли, для нее чуть было не испоганил стеклянную палочку, просвечивал всякими рентгенами, пытался понять, как сварганить еще одну такую... не для себя, для Любы...

Люба... придет, открытки принесет, что там с ними делать полагается, с открытками этими... наверное, если открытки, то открывать... Вот и пооткрываем... Только пусть без этого своего приходит... без кого... Было же пару раз, звонил, на связь выходил какой-то парняга, я еще думал – брат...

– Дедушка, а вам кого?

Вздрагиваю, как от затрешины. Ты меня еще на пороге держать будешь, дедушкой обзывать... Ну да, не мальчишка уже...

– А мне, мальчик, Любу.

– А... она подойдет сейчас...

Сидим, ждем, какого черта он делает в ее квартире... родственник... не то...

– А вы ее дедушка?

– А... да... нет.

Как-то все встало на места, все эти непринятые контакты, все эти, а, знаете, завтра не могу, ой, я занята, а я вам пере-

звоню, ладно, а я... Встаю, приближаюсь к нему, как по воздуху...

Разрешите...

А?

Прикладываю палочку. Не пикнул, не дрогнул, рухнул к моим ногам, тихо, мирно, знай наших, здорово я его высосал, высох парень, как мумия, и полторы волосины белых на лысом черепе...

Визг я услышал не сразу, еще не мог понять, кто визжит, вот она, стоит в портале, Люба, Любовь, поздняя, последняя, говорят – самая сильная, ну куда ты, куда, из портала в портал, из коридора в коридор, бегом, хватаю, прижимаю к стене, нет, только не выпускать, не отдавать никому мою тайну, куда ты намылилась, кого ты вызваниваешь по своим контактам-телепортам... Целую – крепко, жадно, у-у-у, сильная, рвется, отбивается, у меня силенок-то побольше будет...

Поздняя Любовь...

Так что этот ее не придет... Валера или как его там, показал я ему дедушку... и Люба тоже не придет, приложил к ней стекляшку... там первый раз увидел, что если очень долго держать, человек рассыпается в прах, идиотище, сколько веков прятал улики... долго не мог выбраться, по порталам, по кварталам бесконечного мегаполиса, по измерениям, как назло адрес свой помнил только старый, Томск, улица Кривая, дом семь, люди уже и не помнят, что есть Томск, а улицы все кривые...

Торт, свечи... Ч-черт, это же свечей надо по числу лет, это же... м-мать моя женщина, это же какой торт надо... и кто его есть будет, гостей что-то не намечается...

Перебираю номера... Посл. Чел. Это что... а да, последний человек, даже имени не знаю, так и числился у меня – последний человек. Когда это было... когда понял, что все эти альфа-бета-гамма меня не трогают, взбесившееся солнце, которому наконец-то надоело согреть, которое наконец-то начало жечь, жечь, жечь... Когда я дышал разреженным воздухом, и не воздухом уже, и не дышал уже, легкие забыли, что такое дышать, я забыл, что такое легкие...

Видели друг друга каждый день, как-то так вышло, что поселились в одном районе, как-то так вышло, что лень было переезжать, да и зачем, мешали друг другу, что ли, и вообще, последний квартал, еще не разрушенный временем, если подправить движок, то будет свет, а если вечером задернуть шторы, то скроется тьма... Встречались возле супермаркета, кивали друг другу, как старые знакомые, разбирали штабеля консервов...

Последний человек... Надо бы пригласить, все-таки он бросился ко мне, когда обрушилась кровля, а что я хотел, не век же ей держаться, а он бросился ко мне, разгребал обломки, как вы, ничего, я уж думал...

Откуда тебе знать, что у меня девять жизней...

Да, пригласить... Было время, хаживали друг к другу,

с винишком, с коньячком, давай, за нас, поминали кого-то, а скорехонько человечество себя изжило, я родился, когда по всему мегаполису полтора человека остались... допрыгались, суки, чайльдфри... А ты прикинь, вот так в ВКонтakte три месяца никого в Сети... тут-то и понял, что все уже...

Пригласить... или не надо лучше, опять начнет допытываться, а тебе сколько лет, а ты как живешь... С-сука этот посл-чел, докопался-таки, было же, было, когда наклюкались вдребезги, тянулся ко мне, рожа красная, глаза блестят, слышшшь, а ты как живешшшшь... что Великое Перенаселение помнишь... а т-тебе сколько лет... Слышь-шь, секрет продай...

Великое Перенаселение... я и не то помню, я и Водораздел помню, и ИСИн-революцию, я еще олимпиаду Сочинскую помню... Тогда еще молодой был, думал, две тысячи лет – так много, где мне дожить, оказалось, фигня вопрос... что двадцать, что двести, что две тысячи...

Допытывался, сволота... и видел же, видел пару раз, как я ловил собак, сколько их тогда было, стаями бродили, прикладывал стеклянную палочку... высасывал... Как он заглядывался на эту палочку, было же один раз, вышел я в кухню за кипяточком, вернулся, вот он, стоит, палочку в руках вертит... можно глянуть? Изящная вещица... я его чуть кипяточком не обварил за вещицу...

Так что нечего его приглашать... или палочку спрятать, пригласить, хорошо с ним было сидеть, молчать вместе, а что

еще делать, когда все переделано, все открыто, все изобретено, все отвоевано, все пройдено, все записано в летописях, все родилось, все умерло, только и остается, что молчать – о том, что было...

Или нет, вру, лучше я к нему приду... Хотя в день рождения так не делают... вру, почему не делают, так и делают, приходят под окна, пляшут, поют, при-хо-ди-ла-ко-ля-да-на-ка-ну-не-рож-дес-тва... А он мне подарков надарит... посл-чел...

Или нет... я уже ходил к нему в гости, когда это было, в каком-то там веке, когда в округе не осталось ни одной собаки, и что-то подсказывало мне – батареи разряжены, невидимые батареи, в которых хранится время, и я пришел к нему, еще долго не открывали, еще боялся, что его нет, а-а, привет, а я тут что-то вздремнуть решил... Ну вот, разбудил я тебя... Да ничего, не хрен спать... Я что пришел-то, смотрю, сдавать ты начал... я тебе про палочку эту рассказать хотел... во, гляди, к голове прижимаешь...

Этот долго не хотел умирать, еще отбивался, еще укусил меня, крепенько, я и не думал, что человек так кусаться может... орал что-то, дай еще немножко, годик, два, на хрена, один хрен, умрешь...

Так что я его не позову...

Кого еще... это что... Снм... черт, не прочитаешь... Снм-лунмль... А-а, это эти... с которыми я по космосу по всему

мотался... Это когда на Земле мало что осталось, полторы крысы, руины храмов... Когда звезда с неба упала, пылающая, ревущая, и не хотелось загадывать желание, и как-то сразу пришло на ум – Полюнь...

Я их так и звал про себя, вышедших из упавшей звезды – полыни, эти, которые о десяти углах и восьми плетушках, жуть такая, когда они этими плетушками лицо ощупывают, почему-то все норуют — в лицо. Когда по земле царапают этими щупиками, еще ничего, рисуют вслед за мной – треугольники, квадраты, кто-то где-то говорил, так надо знакомиться с этими, оттуда, нарисовать на земле треугольник...

Сколько мне тогда было... помню, справлял день рождения с этими, которые полынь, высчитывал что-то, это мне пятнадцать тысяч, нехило...

Пригласить их... Я им многим обязан, с ними мотался по космосу, это они надоумили – уже когда умирал, умолял, требовал, дайте времени, времени, а что ты тянешь из зверей, ты давай из звезд... Гасил звезды, чувствовал себя божеством...

Их позвать... пусть принесут тыкву, откуда они ее возьмут, зажжем свечку, откуда они ее возьмут... И торт... это что... это круглые такие, большие... а, их еще надувают... Вот так выйдешь в парк в выходной, там эти торты на ниточках пятьдесят рэ штука... Нет, не то...

Только это все дело десятое, главное, где этот день рождения встретить, бокалы поднять... а вот, я же на земле

хотел... Точно, сначала до Земли добраться, вспомнить бы еще, где эта Земля, побродить там по местам своей юности... Мегополис посмотрю, от него одни руины остались, да что мегополис, там уже и материки другие были, когда я последний раз на земле...

Вспомнить бы еще, где эта Земля... было же, искал, когда это было, сколько веков назад, наводил какие-то справки, Земля, Земля, ну знаете... это... Млечный Путь, слышали такое? Он уже, чего доброго, улетел куда-нибудь, галактики-то тоже на месте не стоят...

Перебираю имена, номера, Земля, Земля, хоть бы один ответил, Земля, прием... Не нашел же я ее тогда...

Нет, вру, почему не нашел... Был же, был, как сейчас помню, погасшее солнце, красный карлик, какие-то обломки уже не поймешь, чего...

Перебираю контакты, имена...

Это кто такие... не помню уже... а эти...

А у меня точно сегодня... Пятнадцатого сентября... или октября... месяц не помню, да нет уже никаких месяцев... и дней...

Номера, номера, номера...

Люба... точно, надо Любу пригласить, только без этого без ее... как его... Набираю номер, звоню, нет, не то, это же не по мобильнику ее вызванивать надо, а...

Что еще... вино... что такое вино... Это кушанье ка-

кое-то, его на дольки режут, и каждому по кусочку, а туда... вот-вот, туда свечи втыкают...

Номера, номера... последний человек... его уже нет... это кто... ангелы... а да, было, когда уже никого не было, видел каких-то, легких, сияющих, призрачных, разговаривал с ними... Потом просек, что нет никаких легких, сияющих, призрачных, и не такое привидится, когда останешься один в целой вселенной...

Что еще... а вот, вспомнил, на день рождения, там все колонной выстраиваются, и плакаты несут, привет имениннику, и все такое, транспаранты... Было что-то такое, только не помню, на мой день рождения, или нет... торт... да какой мне торт, я, считайте, и не ем уже ничего, у меня плоти живой, считай, и не осталось... Вот это вот сияние, это считать плотью, или как...

Лечу – в никуда, в пустоту, и черт его пойми, то ли лечу, то ли на месте стою, в пустоте и не поймешь. Перебираю контакты – не в телефоне, в памяти, вот все, что осталось у меня – память... Люба... не то... Кредитор... тоже не то... Мама... это что... из одноклассников кто-нибудь... Звоню, не отвечает...

Кто еще... кто-то же должен прийти, открытки принести, торт... что там еще... плакаты... лозунги... тыкву эту, чтобы свечку там зажечь... Контакты, адреса... быть не может, чтобы никого не осталось...

Сто седьмая вызывает станцию

– ...ракеты, ракеты быстрее пересылайте, мать вашу!

– Да какие ракеты, сами без ракет сидим, ты хоть думай, что говоришь-то?

– А нам как воевать прикажешь? Или на хрен надо, дальние рубежи можно и не охранять, главное, мегаполис сберечь?

Я подскочил, как ошпаренный, уставился на динамики: радары сходили с ума, компилятор надрывался, выжимая из себя последние вольты, динамики трещали, фыркали, жуткая тарабарщина нехотя перетекала в слова.

– Да вышлем мы вам ракеты, вчера еще запрос на базу посылали!

– Вчера-а... Вот вчера у нас три эскадры и грохнули, сегодня к последней подбираются... пока высылать будете, корпорация сама нас всех вышлет, куда подальше... Ах, черт... слушай, ты им скажи, если сейчас не помогут, дальше уже поздно будет, левый фланг прорвали... Кто-нибудь, кто слышит, в четвертый квадрант подкрепление!

С ума я сошел, что ли... Очень похоже. Четвертый квадрант... где это вообще может быть. Нет, про квадранты мне ничего не говорили, только про базы. Первая на Луне, вторая-третья на Марсе, в северном, в южном полушарии, вспомнить бы еще, где, четвертая моя, Деймос, пятая... дай

бог памяти... не дал бог памяти, и не мое дело, мое дело – четыре первые базы...

Квадрант... хрен пойми, какой квадрант, какие ракеты... кто с кем... кто против кого... Были, конечно, какие-то стычки за базы, за топливо, с америкосами до сих пор судимся за кратер какой-то, – но до звездных войн дело еще не доходило...

Набрал третью базу, послушал привычное – пожалуйста, подождите. Пожалуйста, подожду, пока я буду пожалуйста, ждать, тут конец света настанет, не меньше... Понять бы еще, кто с кем, что за тарабарщину выдал динамик... на китайский похоже...

Снова включил компилятор, приказал – ищи, на экране замелькали флаги, все флаги в гости к нам... Уже ожидал увидеть желтые звездочки на красном, когда экран выплонул сообщение... чего там... но... но... дальше непонятно, но главное я усек – нет такого языка, нет такой страны...

Вот черт...

– Вызываю третью базу...

– Пожалуйста, подождите.

Пожалуйста, жду... пока я буду пожалуйста, ждать, они нам всю землю разнесут... кто они... не знаю...

Пожалуйста...

Черт...

Ну их на хрен... Пусть под трибунал меня высылают...

– Вас как... под трибунал выслать, или что? – сержант посмотрел на меня, как на мерзкое насекомое...

– Да я...

– Да вы... Самовольное покидание поста... без разрешения вышестоящего начальства...

– Да я до вас дозвониться не мог...

– И что? Еще бы позвонили, что у вас такого срочного-то было? Пришельцы, что ли, напали?

– Да.

– Так пить надо меньше. И закусывать больше.

– Нет, правда... – я почувствовал, как мир переворачивается у меня под ногами, – вот... запись... послушайте...

Сержант надел наушники, тут же сбросил, хлопнул меня по плечу, как будто утешал. Разлил по чашкам плохонький кофеек, отхлебнул, поморщился. Я не понимал, что он ждет, что он медлит, почему не слушает, не слышит это... это... не знаю, что это...

– Молодец, парень... далеко пойдешь.

– А... это же...

– Только не здесь, здесь перспектив никаких... Ты лучше годик тут покантуйся, а там на пятую базу, вот там как-то быстро в гору идут... у меня племянник там в люди выбился...

– Так... это же... запись...

– А, брось.

– Да как брось? Это же... Кому-то там ракеты нужны...

атакует кто-то.

– Э, пацан, кто атаковал, от того уже косточек не осталось... уже лет двести как. Это же вон оттуда, со звезд приходит...

– С каких... звезд?

– Хрен пойми, с каких... Все по-разному говорят... Звездочеты хреновы. Было там что-то... империи какие-то... корпорации... когда было... Может, лет двести назад, может, мы тогда еще на хвостах на пальме висели... может, и Земли тогда еще самой не было... Так что забей, еще и не такое тут услышишь. Хочешь, записывай, потом ученым нашим скинешь... ученым... моченым... фигней занимаются, лучше бы лекарство от рака сделали... моя вон сторела... молодая баба, сорок лет... жить бы еще да жить...

– Алло, станция? Станция? Сто седьмая вызывает станцию... повторяю – сто седьмая вызывает станцию! Топливо на нуле... повторяю – топливо на нуле!

С проклятиями скатываюсь с кровати, снова смотрю на динамики, да пропади оно все... отключить бы все к чертовой бабушке, и спать, как у Христа за пазухой, да как выключишь, а если реально сообщение с базы придет... Потом посплю как у Христа за пазухой, только уже в отставке... если вообще не в одиночной камере....

– Сто седьмая вызывает станцию... повторяю – сто седьмая вызывает станцию!

Сто седьмая... Хрен пойми, кто такая – женский голос, до черта похожий на человеческий, может, это и есть человек... Хотя откуда взяться там человеку – там, за тысячи световых лет, в такой неведомой дали, что она сама про себя ничего не ведаёт... Снова смотрю на запись голоса, слежу, как ползут по экрану прямые и кривые, высчитываю тембр, частоту... Язык непонятный, компилятор с ума сходит, расшифровывает слово за словом. Но голос, черт его дери, так похож на человеческий...

Глотаю успокоительное, морщусь...

– Станция! Станция! Ответьте! Ответьте! Топливо на нуле. Повторяю, топливо на нуле. Диктую координаты... район (не переведено), третий квадрант. Повторяю – район (не переведено) третий квадрант! Запасов (не переведено) осталось на трое суток. Повторяю...

Повторяй, повторяй... Давно уже кончились у тебя твои запасы не поймешь чего, и сама ты кончилась, и станция твоя. Страшно так, от какой-то планеты уже и праха не осталось, а голоса все летят, летят из ниоткуда в никуда...

Да пошли вы все...

– Станция! Сто седьмая вызывает станцию!

И чувствую – не засну, не успокоюсь, и никакое успокоительное здесь не поможет, ничего не поможет, бросить все, эту дурацкую базу, этот Роскосмос, прыгнуть в челнок, лететь, лететь в никуда, спасти эту сто седьмую, хрен пойми, какое топливо ей нужно...

– Я не понимаю, Алясов, вы это специально делаете? Вы как... под трибунал хотите?

– Не хочу.

– Ну а какого черта вас опять нелегкая принесла?

– Так дозвониться до вас не мог.

– И что? И еще бы позвонили... Вам, Алясов, русским по белому сказано, пост не покидать. Или устав не для вас писали, для вас какие-то особенные правила? А?

Я посмотрел на сержанта – самодовольного, вот-вот лопнет от радости, что заловил меня, его хлебом не корми, дай кого-нибудь под трибунал отправить. Ну, ничего, сейчас ты у меня попляшешь, тут тебе крыть будет нечем. Посмотрю я на твою рожу... ой, посмотрю...

– Вот... запись...

– Что у вас там, опять очередной заговор таукитян против альтаирцев?

– Да нет... вот...

Включаю запись – долго не включается, шипит, фыркает, давится сама собой, наконец, тишину пререзает мой собственный голос:

– Мой сержант, они окружают.

– Да быть того не может... они нас третьи сутки окружают, а вы только сейчас спохватились... быстро, быстро...

– Мой сержант... связаться с Москвой?

– Проснулись, Алясов... Москвы уже сутки, как нет... разбомбили, сволочи. Еще бы про Пекин вспомнили... и про Европу...

– Да... еще же Вашингтон есть, это америкосам можно сигнал послать... пусть подкрепление вышлют, раз такое дело...

– Ага, потом будем этим америкосам сапоги чистить...

– А куда денешься... тут речь-то о человечестве идет, не о конкретной стране...

– Ну звоните, Алясов, своим америкосам... только не Вашингтон, а Денвер, там у них ракетная база... вот, координаты...

Тишина... гудки, шорохи, грохот чего-то, как кажется мне, – погибающего мира.

– И что же... Денвер ваш?

– Там же... где Москва.

– Что и требовалось доказать... Ох, черт, здорово вдарили...

– Это что... конец человечества получается?

– Ну... Чего вытарацились, Алясов, табельное доставайте... патрон стратим... не хочу видеть, как эти слизнелопые нас придушат...

Тишина... щелчки в эфире...

– Что скажете? – я торжествующе посмотрел на сержанта.

– Что скажу... грустная история.

– Да нет... это же в правительство звонить надо... это же... вторжение...

– Я таких вторжений повидал, – кивнул сержант, – до черта... Прут и прут сигналы... Два раза так страшно было, вот как у вас сейчас, сигнал пришел, что земля погибла... А так постоянно... Марс, алло, Земля вызывает... я на Землю давай сигналить, вызывали? Они пальцем у виска крутят... Только тут спохватываюсь, что сигнал-то не с Земли пришел, а откуда-то из ниоткуда... хрен пойми, из какой галактики...

– А... что это?

– А хрен пойми... кто-то говорит, из будущего сигналы... из разных вариантов будущего этого самого... Одному академику в Оксфорд писал, он говорит – из параллельных вселенных. Где-то там... – сержант ткнул пальцем в небо, – там тоже Земля, тоже я и ты... хрень всякая... Наш этот... как его... академик РАН... вообще сказал, из прошлого сигнал... Что это уже не первая Земля, на этом месте этих земель было до хренища... каждая земля рождалась, жила, динозавры по ней топали, гунны скакали, Колумб Америку открывал, спутник первый запускали... А потом все... кидрык земле... Марсиане там нападали, или мор какой, или комета какая... и все по новой... снова Земля зарождалась... снова динозавры топали...

– Что-то об этом в учебниках не пишут.

– А на хрена... Так что забей, парень... Хочешь, акаде-

мику какому пошли... он тебе спасибо скажет... низкий поклон...

– Да, страшно у вас тут работать.

– Что страшно... твое дело сигналы с Земли принимать, а кто еще что шлет, не твоего ума дело... тут вообще недавно... я охренел прямо... сигнал пришел... так там в районе Андромеды...

– Та-ак... – сержант повертел листок в руках так, будто ждал, что бумага вот-вот вспыхнет, – во-первых, у нас не ЗАО, а ОАО...

– Это что же, акции можно купить?

– Черта с два тебе их кто-то продаст... у директора у нашего все акции... Так, и директор у нас не Вэ-Вэ, а Вэ-Эс... Владимир... Сергеевич. Или Виктор Степанович...

– Или Вольдемар Сигизмундович, – добавил я.

– Во-во... а вы, Алясов, все шутить изволите... Вот-вот, дошутились до увольнения... или по собственному?

– По собственному.

– Что ж так?

– Да... не могу я больше... Вот так, каждый день, то пятое, то десятое... Кто-то гибнет там, кто-то с кем-то воюет, кто-то зовет на помощь... а мы...

– А мы что... на Земле будто никто не гибнет... ничего же, нас вроде как не колышет...

– Все равно... не мое это...

– Зря, парень, зря... Говорю, годик бы покантовался, на пятую базу бы пошел, в люди бы выбился... вон, племянник мой... Так, а число не надо ставить, да? Зачем оно...

– А... какое сегодня?

– Так с утра десятое было, сейчас не знаю... может, сорок седьмое... Написал? Свершилось... чудо... Ишь, собрался уже... Гляди, еще от ворот поворот дадут, скажут, иди, две недели отработывай...

– Да уже же нашли пацана какого-то...

– И что, его обучать надо. Погоди, провожу... ох, зря, парень... Люди сюда рвутся, поубивать друг друга готовы, ему вишь, не нравится...

Сержант вышел за мной в зеленоватую пустыню – сколько здесь околачиваюсь, столько не могу привыкнуть, что Марс не красный, а зеленый, даже не зеленый, такого цвета на земле и не увидишь... И солнце тарашится на нас, окруженное звездами, как издевается над нами, испытывает рассудок на прочность...

– Ну давай, парень... Будь. А все-таки зря ты это, вы, молодые, думаете, работу найти, раз плюнуть... потом помыкаешься, вспомнишь базу... Не дай бог конечно тебе мыкаться, да кто тебя знает... ладно, будь...

Он кивнул – казалось, уже не мне, кому-то другому, невидимому, размашисто зашагал к неказистому челночку в стороне от всех. Я зачарованно смотрел, как он закрывает люк... как челнок плавно отрывается от зеленого песка,

скользит за моим челноком...

Вот черт...

Включаю радио.

– Мой сержант, как слышите, прием!

– Какой я тебе твой сержант... все, мы с тобой птицы вольные...

– Вы что... тоже?

– Ну а ты один, что ли, такой умный? Хрен с ними, сами пусть на своей базе сидят...

– А вы теперь... куда? К Земле?

– На хрен к Земле... ч-х-х-ф-ш-ш-ш... тут и без Земли делов до хрена... Так что, парень, давай... на Земле всем там привет... ч-х-х-х-ч-ш-ш-ч-ш-ч...

Я смотрел, как он исчезает в черном космосе – блестящая звезда, затерянная среди туманностей и облаков. Как быстро человек становится звездой... Я еще слал ему какие-то сигналы, он не слышал меня, до меня какое-то время еще долетали его позывные, я слушал его тихое бормотание, слушал сигналы, которые он ловил, на которые летел – в никуда:

– Алло, станция? Станция? Сто седьмая вызывает станцию... повторяю – сто седьмая вызывает станцию! Топливо на нуле... повторяю – топливо на нуле!

2012 г.

На птичьих правах

Игорь умер ночью, умер как-то тихо, незаметно, я утром еще встал, еще кофе себе заварил, потом вспомнил про него, что, Игореха, кофеек будешь, а он уже не дышал. Я даже не почувствовал ничего, что он умер, удивился только, что не умер раньше, вообще, кто на синий шарик попадает, тот уже все, не жилец...

Мне как-то не по себе стало, и не то, чтобы жалко, а непонятно просто – что дальше, куда мне этого мертвого Игореху девать. С серого шарика не сбросишь, в шарик не закопаешь, это же не земля. Ближе к полудню, когда повеяло душком смерти, уже подумывал, как бы из нехитрой нашей мебели устроить костер, когда пришли Эти. Молодцы, сразу смекнули, что к чему, пришли, забрали Игореху, я даже толком проститься с ним не успел, Они, видно, не понимают, что такое проститься.

И что с Игорехой сделали, не знаю, это я им тоже объяснить не успел... Что надо как-то земле предать или огню, цветочков там каких при нести или еще чего красивого, сказать что-нибудь... такое... И так неудобно перед Игорехой, ночь же с ним сидел, все боялся заснуть, вдруг помрет, на рассвете закимарил, и на тебе...

Сам виноват, это сколько дури вместо мозгов надо, чтобы на синий шарик залезть...

Исследовал третий портал. Третий выводит на красный шар, как и первый. Непонятно только, тот самый это красный шар, или другой. Пытался нумеровать шары, не смог, сколько ни царапал – на поверхности не остается никаких следов. Пробовал подпалить шар зажигалкой, пришли Эти, шибанули током, остался ожог.

На красном шаре наблюдал уникальное явление искривления света, вышел из портала, увидел впереди самого себя, выходящего из портала. Еще окликнул себя, ещё побежал за собой, размахивал руками, не сразу понял, что вижу что-то вроде миража. Насколько знаю, искривление света наблюдается только при огромной гравитации (черные дыры), никакого повышения гравитации на красном шаре не наблюдал.

Заглядывал в четвертый портал, наблюдал черный шар из какой-то жидкой субстанции. Исследовать не мог, сам чуть не увяз насмерть, пришли Они, загнали назад на серый шар, закрыли порталы до утра.

Мысли на день:

- о добре
- о мире
- о любви
- о красоте

Дела на день:

- расквантовать третье пространство
- заквантовать первое
- вскрыть портал до темных миров
- поставить барьер от антимира

Кто не сделает, тот да усядется на луч света, да улетит в бесконечность. А кто не почистит клетку трехмерных да не даст трехмерным материю, тот да провалится в гиперпространство, да помножится на нуль.

Что у них попросить... вот так всегда, как натыкаюсь на что-нибудь, чего нет, думаю, успеется, запишу вечером, а как вечерок приходит, в кресло сяду, и на тебе, ни хрена ни помню...

Что я хотел... подушку... да нет, подушку я у Них уже выклянчил с грехом пополам, плохонькая, ну ничего... Телевизор... На хрена он здесь, можно подумать, здесь телестанции какие-то есть... А вот же что, комп я у них хотел хороший, только они не понимают, что такое комп, и рисовал им, и фотки-схемы прикладывал, и все равно, не то, не работает их комп, хоть ты тресни.

Что еще... Да что за черт, в самом-то деле, пока жил гол, как сокол, ни кола, ни двора, ни хрена, сколько всего хоте-

лось, и того, и этого, и пятого, и десятого, а как дорвался до всего, уже и не помнишь, что надо было... Уже и не хочется...

Что я хотел... Ну да, тут, главное, вспомнить, что я хотел, тогда, тогда... Планшетник... смартфон... а вот, ленд круизер темно-синий... ничего, что в нем тут ездить негде, шарик дали, километр в диаметре, все равно, пусть будет.

Ленд круизер. Только бы Игореха ничего не устроил, а то опять натворит чего, что мы не то, что без ленд круизера, без завтрака останемся.

За красным шаром в одном из порталов открывается желтый шар. Исследовать не смог, прогнали. Били током, сильно, больно, до потери сознания. Судя по всему, желтый шар содержит в себе что-то очень важное – или является проводником в какие-то важные миры, которые ОНИ хотят от нас скрыть. Правда, непонятно, с чем это связано, быть может, те миры опасны для человека, или, наоборот, мы можем что-то испортить в других мирах.

В другом портале красного шара видел зеленый шар – видел краем глаза, войти не смог, портал закрыт чем-то вроде силового поля. Третий портал шара закрыт наглухо непрозрачным люком, я пытался сдвинуть люк, люк поддался, ОНИ меня отогнали, больно хлестали по лицу.

Утром планировал поговорить с НИМИ про порталы и шары – но утром Они даже не появились, оставили нас

без завтрака. Валентин в бешенстве, во всем обвиняет меня, и заслуженно.

Сегодня, опять же в наказание, закрыли все порталы, исследовал шар, что тут исследовать, зеленый шар, радиус примерно в километр, на шаре шесть отверстий-порталов, отстоящих друг от друга на равном расстоянии. В небе – если это можно назвать небом – на огромном расстоянии расположены такие же шары разного цвета, в отличие от нашего, необитаемые. Несколько раз на шарах видел ИХ.

Выяснить, куда попадаешь через порталы – на другие шары далеко в небе или в другие измерения.

Выяснить... если они вообще откроют порталы.

Мысли на день:

- о любви
- о добре
- о мире
- о величии народа Снмлунмль
- о красоте

Дела на день:

- заблокировать входные порталы
- разблокировать выходные порталы
- почистить клетку трехмерных

- дать трехмерным материю
- открыть порталы трехмерным
(удалено)

– не открывать порталы, опять полезут во все щели, опять спугнут тонкие энергии, а то и сами обожгутся об чужие материи.хлопотно жить с трехмерными, для чего привели их из каких-то миров, будто без них не сладко жилось и не весело мечталось, будто с ними, беспокойными и неумными, звезды нам покажутся ярче и небо выше.

Кто не сделает, тот да поделится на бесконечность. А кто привел трехмерных откуда-то, тот да извлечет из себя квадратный корень в отместку за то беспокойство, что всем причинил.

Меню на день

Завтрак: салат из креветок, роллы, капучино, еще что-то хотел, не помню уже.

Обед: уха из красной рыбы с оливками, ризотто с грибами.

Ужин: карпаччо... что такое, не знаю, хоть попробую.

Только бы поняли, что это все значит... По картинкам, по фотографиям, а то будет как в прошлый раз, принесли салат греческий, а там вместо маслин – морская галька...

Кое-как уломал их на ленд круизер, кое-как втолковал им, что за штука – по фотографиям, по схемам... Самый при-

кол, что этот ленд круизер не ездит ни хрена, как всегда, все до последней детальки по чертежам сделали, а не работает... чего-то не учли, понять бы еще, чего.

Что я у них еще хотел... Шарик побольше, и на шарике чтобы курортный пейзаж, как на Мальдивах, или где-нибудь там... Только это я хотел попросить, чтобы на ленд круизере ездить, а теперь на хрена... Да и вообще нагловатенько как-то будет шарик попросторнее просить. Хотя кто их знает, это мы не можем сделать маленький шарик большим, а им, может, раз плюнуть.

Да и вообще, обидно как-то получается, такие возможности... и не знаешь, как воспользоваться, что заказать, что попросить... Вот так всегда, сколько мечтал, вот попаду в рай, или в какую-нибудь там страну желаний, вот попрошу себе... и это, и это, и это... А потом попадаешь – и смотришь, как баран на новые ворота, а... э... ну, это самое... Вот чесслово, вот кончится бал, кончится рай, вот все вспомню, что хотел, а подождите, а я же еще это... и это самое... и... а все.

Игореха бы еще не лез... Ну свихнулся ты и свихнулся, жалко, конечно, да тут кто угодно после пережитого свихнется... Только без меня как-нибудь. А то Игореха напротачит, а попадает-то обоим, ОНИ разбираться не будут, кто прав, кто виноват... вон, на-днях порталы закрыли, да хрен с ними с порталами, а вот что без завтрака оставили, вот это по приколу. Так могут и на сутки без жрачки оставить, и на двое

суток, если не уgomонимся... Если некоторые из нас не уgomонятся, скажем так. Я уже припасы начинаю себе делать... На случай войны...

Он же что учудил... мало ему, ой, мало, опять в портал полез, на красный шарик, я его у входа жду, не бросать же товарища, потом слышу – зовет меня кто-то в небе, Ва-а-алька-а-а-а! – я думаю, рехнулся я, что ли... Смотрю, вот он, Игореха, стоит на красном шарике, далеко-далеко... И с другой стороны – Ва-а-а-лька-а-аа! – а там тоже Игореха, стоит, руками машет... и с третьей...

Ну тут ЭТИ пришли, Игореху назад швырнули, он аж прозрачный стал, падает на землю перед домом, и миражи от него, миражи прозрачные. А потом обоих нас хватают – чувство такое страшное, что ты уже не здесь, еще не там, куда они тебя зашвырнуть хотят – и опять на «Горгону» нашу многострадальную. В дым, в чад, в холод, и что за черт, на шарике на ИХНЕМ отъелся, подлечился, а как на «Горгону» обратно бросили, опять я как в последние дни, кожа на костях тряпкой висит, и легкие будто когтями кто-то рвет, кажется, хворь эту только вместе с легкими можно выкашлять.

Что дальше было, не помню, метались, в стены кулаками били, кричали что-то, забыли, что ОНИ по-нашему не понимают, простите, простите, не будем, не будем больше, не будем, да черта с два Игореха не будет, знаю я его...

Ничего, вернули нас на шарик... Это они так, припугнуть

решили, правда, без ужина оставили. Ничего, у меня припасы худо-бедно есть, с Игорехой делиться из принципа не буду, сам виноват... устроил...

Мысли на день (День печали)

- о печали
- о смерти
- о небытие
- о боли
- о скорби
- о надежде

(в таком порядке, ни в каком ином, кто перепутает, да упадет в черную дыру)

Дела на день:

- развернуть девятое измерение
- свернуть пятое измерение
- соединить седьмой и девятый квадрант

Это все им, другим любезным. А мне, самому любезному, как всегда досталось: в клетку с трехмерными проникнуть, материю им принести, в клетке сор убрать.

Жутко у трехмерных убирать. Страшные они. Придешь, они к тебе спешат. Наклонятся три раза. Ждут. Смотрят.

И страшные глаза у них такие – смотрят, а ничего не видят, ни миров, ни времен, ни эпох, ни мыслей.

Это этот любезный виноват. Который их привел. Откуда-то из ниоткуда, квадрант какой-то между третьим и дробь седьмым. Любезный там вселенную какую-то нашел, мы и не думали, что там вселенная есть. Черная пустота, и огненные шары живут. И эти двое живут. Странно живут, в стальной норе. Привел их, а они материи просят, да не простой, а такой, из которой сами сделаны. Кое-как любезный материю эту слепил, чтобы спиральками закручивалась.

И несправедливо: любезный принес, а я, самый любезный, клетку чисть.

Все, довольно о скорби думать. Пора о надежде. Скоро третья эра пройдет, эра неурядиц, и четвертая настанет, эра покоя, вот там-то хорошо все будет, и мир свой в полтора измерения дострою, и мечту свою приманю и поймаю, только приманку надо бы найти хорошую...

Заказать у ЭТИХ:

Мясо

Хлеб

Шоколад

Икру черную

Что я еще хотел... ведь хотел же, хотел, вертелось же

на языке, надо, надо, еще сам себе говорил – не забудь, не забудь, да какое там... Мы же умные, мы же не записываем, мы же так все помним, а что у нас голова дырявая, про то и не думаем...

Что хотел... Хотел же что-то, ленд... нет, не то. Что-то там из одежки себе выискивал... нет, тоже не то. А вот же, я у них на соседнем шарике снег лежит, или хрень какая-то вроде снега, хотел у них лыжи попросить... Нет, не то...

Что же... Игорехе, может, что надо... да что ему надо, ничего ему не надо, псих, он и есть псих, после этого с катушек съехал, полез по порталам... Ну ясное дело, я сам тогда чуть с катушек не съехал, ну ничего же, держусь...

Ах да, после этого. Годовщина же сегодня.... Ну да, четвертая годовщина, круглая дата, только вот не помню, годовщина чего, то ли когда «Горгона» сгорела, то ли когда Игореха пытался выйти на связь – и не мог. Земля-земля-прием-прием – и как об стенку горох, ни тебе земли, ни тебе приема...

Знать бы, что там теперь... Пару раз пробовал закинут удочки, узнать у ЭТИХ, да что там у ЭТИХ узнавать, они и не знают, что такое – Земля.

Так что Землю помянуть надо, и всех наших, это однозначно... Родителей, наших всех из НАСА, шефа, черт бы его драл, все равно помянуть... Винишка у них заказать, что там еще по такому случаю... жалко прямо, что нельзя со всем этим домой вернуться, вот так приземлиться бы, от-

крывается «Горгона», и я оттуда на ренд ровере, здоровья желаю... парни, особнячок мой где-нибудь в Монако поставьте... вот так, большое спасибо. Вот оно оказывается как, само по себе ничего это не нужно, мало жить на полную катушку, надо еще, чтобы кто-то это видел... А кто видел... перед Игорехой, что ли, перья распускать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.